

АННА ЛАВРОВА

Из Куморы в Иркутск

Конец октября на севере Байкала — это уже зима. Снег идет часто, хотя в некоторых местах тает, земля-то хорошо прогрелась за жаркое лето. В Куморе (в то время, когда мы жили в этой деревне, она называлась Куморы, теперь — Кумора) уже очень холодно. Мама связала всем носки из собачьей шерсти, они очень теплые. Зимней обуви и одежды у нас нет — мы ведь ехали только на лето. А папа вернулся из маршрута в ноябре. Студентки Вика и Вита уехали в Иркутск уже в конце августа, на учебу.

Папа и его помощник коллектор Гоша Пестерев разбирали образцы пород, раскладывали их по холщовым мешочкам и упаковывали в ящики. Это кропотливая работа. Каждый мешочек с породой нужно подписать (папа говорил: снабдить этикеткой).

Давно исчезли ягоды и грибы, но мы ходили в лес, собирали ярко-красные ягоды шиповника. Мама сушила их в духовке. Уже мы собрали два мешочка шиповника, но мама говорила, что нужно еще столько же. Как же потом нам это пригодилось!

Мы должны были попасть на последний рейс ледокола «Ангара». Он шел из Нижнеангарска в южную часть Байкала, в порт Байкал, в середине декабря. Но ведь еще нужно было добраться до этого Нижнеангарска, то есть идти на лодках вниз по Верхней Ангаре. Катера уже не ходили, все стояли на приколе. Папа выбирал лодки, маленькие не годились, слишком большие — тоже. Это же не моторные лодки, а обычные, весельные. Надо было их всего три. Брат мой сопровождал папу, мне тоже хотелось выбирать лодки, но нужно было помогать маме собираться.

Сестра Маринка хотела взять с собой собак, но это было невозможно. Мы не знали, как сказать ей об этом. Главная же мамина забота — как одеть нас теплее. Рукавички из шерсти собак она уже связала, шарфики и шапочки тоже. У папы была шинель, ботинки (сапоги он никогда не носил), а у мамы — обычный пыльник и резиновые ботинки. У нас — пальтишки (демисезонные) и ботинки. А зима уже наступила.

Наконец три лодки были выбраны, проконопачены, весла проверены, включены смазаны. Вся деревня Кумора собралась на берегу, посмотреть, как «экспедиция» будет отчаливать от берега. В первой должны сидеть мама и мы трое. В этой же лодке — половина всей провизии. На веслах папа. Во второй — беременная женщина с девочкой, немного младше меня. Им нужно было попасть только в Нижнеангарск. И женщина, и ее дочь были очень тепло одеты — в шубах, в валенках, девочка замотана шерстяным платком. С ними должен был сидеть на веслах коллектор Гоша. В третьей — ящики с образцами. Все лодки соединены между собой длинными тросами, которые завязаны замысловатыми узлами так, что их можно при надобности быстро развязать, потянув только за один конец.

На высоком берегу стоял метеоролог и громко кричал:

— Гребите день и ночь! Гребите день и ночь! Идет шуга. Шуга иде-е-т!!! День и ночь, день и ночь!

Этот крик долго стоял у меня в ушах. Беременная женщина плакала, она боялась этой поездки, какие-то женщины ее провожали и успокаивали. Потом, на протяжении всего путешествия, этим занималась мама. Казалось, у этой женщины слез столько, сколько воды в Байкале.

Много женщин, молодых и пожилых, перед отъездом обнимали маму, за что-то говорили ей спасибо, гладили по спине, приглашали приезжать на следующий год. А мама благодарила их. Я, конечно, видела, как в наш домик у самого леса часто приходили женщины. Мама помогала им скроить платье или блузку. Всегда для шитья находились старые вещи, из которых можно было придумать что-то «новое». Деревенские девочки тоже красовались в платьях, сшитых мамой. Я всегда помогала маме подрубать, даже умела хорошо делать потайной шов. И всегда удивлялась, почему деревенские женщины не умеют ни шить, ни вязать. Мама их оправдывала, говорила, что у них очень тяжелые работы в поле, да и дома тоже тяжело: все мужчины на войне. Вот и в тот день я удивлялась — откуда столько женщин набежало? Мне было приятно смотреть, как они обнимали маму. Пожилые, я думала, что они все старушки, хотя это было не так, говорили:

Заснеженная Ангара, 1944, фото М.М. Лаврова

— С Богом, с Богом! Берегите себя и детей! С Богом плывите! — Наши товарищи по школе тоже все были тут. Но они смеялись, что-то нам кричали наперебой. Им было весело, и нам передавалось их настроение. Они хотели бы тоже поехать с нами в лодках, но их дом — Кумора, а наш — Иркутск.

Наконец все расселись по лодкам, и папа взялся за весла, направив лодку на середину реки. Гоша тоже выгребал так, чтобы встать в одну линию с нашей лодкой. Путешествие началось! Долго еще мы видели жителей Куморы, где мы счастливо провели несколько месяцев. И долго слышали крик метеоролога: «Гребите день и ночь, день и ночь!» Поворот реки скрыл от нас и Кумору, и ее жителей.

Наши лодки шли ближе к левому берегу Ангары. По берегам зеленели сосны, кедры, желтели лиственницы. Такая красота! Мой брат, сестра и я сидели на дне лодки в папиной дохе. Это была замечательная доха. Подарил ее папе муж маминной старшей сестры Татьяны Константиновны, которая давно уже жила в Дании, в Копенгагене. Аарнэ Хаммер, ее муж, в начале 1920-х годов работал в «Большом

Северном Телеграфном Обществе» (было такое в Иркутске). Доха предназначалась для охоты в Сибири. Не знаю, охотился ли Аарнэ, но доху он папе подарил. Сшита она была то ли из собачьих, то ли из волчьих шкур. У нее был огромный воротник-капюшон. Мы сидели, завернутые в эту доху, рукава ее мама завязала узлом, а капюшон закрывал все наши три головы. Словом, доха была огромная, теплая и красивая. Мы с братом все время показывали друг другу то на правый, то на левый берег — и там, и тут были высоченные деревья, особенно ели и лиственницы. Маринка уснула и пропустила все самое интересное, как нам с братом казалось.

Мама сидела рядом с папой и гребла одним веслом. Так наша мамочка согревалась. Сейчас я даже представить не могу, сколько пришлось ей вынести! А ведь она была такая тоненькая, хрупкая. Папа и мама о чем-то разговаривали, смеялись, кивали нам, одобрительно улыбаясь. Все было прекрасно. Иногда мы слышали стенания беременной женщины. Папа перекликался с Гошей, тот отвечал, что все идет нормально.

Маринка проснулась и попросила есть. Мама раздала нам лепешки. Ни папа, ни мама не ели. Сказали, что будем варить обед, когда пристанем к берегу в удобном месте. Такое место быстро нашлось — это небольшая бухточка, берег — галька, покрытая тонким слоем снега. Папа и мама хорошенько налегли на весла, и лодка врезалась в гальку. Родители наши быстро выскочили из лодки и еще выше втянули ее на берег. Потом побежали к Гоше, развязали тросы и помогли ему с его лодкой. Мама вывела на берег плачущую женщину и ее девочку, а потом уже занялась нами.

— Какие же вы у меня хорошие дети! — сказала мама.

Это было очень приятно. Ну хорошо, мы-то с Андреем уже большие, а Маринка маленькая. Вот она молодец! Не плакала, не капризничала, хотя иногда досаждала мне и брату. Ей только недавно, уже в Куморе, исполнилось три года.

Трое взрослых и Андрей (он всегда помогал) подтянули третью лодку. Из нее достали котелки, деревянные плоски вместо тарелок и деревянные ложки. Это замечательное изобретение — деревянная посуда: можно поставить плоску на колени — не горячо, и ложка не нагревается. До сих пор я берегу эту свою первую деревянную плоску, ей уже 72 года.

Лодки были закреплены, и мы поднялись на берег за сушняком. Гоша носил большие ветки, мы с Андреем — поменьше. Папа готовил кострище, мама собиралась варить кашу, женщина тихо плакала, а Маринка с девочкой собирали небольшие камешки на берегу, строили горку. Было так хорошо и спокойно. Мы наелись, и нам хотелось еще побыть здесь, побегать по берегу. Но папа торопил нас, вспоминая слова метеоролога. Обед занял много времени, а нам нужно спешить. Мама мыла котелки. Женщина как сидела на бревне, так и не пошевелилась, но кашу ела. Андрей всегда мыл свою посуду и помогал маме, а я мыла свою и Маринкину. Остатки костра залили водой. Мама повела женщину в кусты, потом и мы все туда сбегали.

Мы с Андреем невзлюбили эту женщину и потихоньку осуждали ее, потому что она не помогала маме. Услышав наши переговоры, мама отвела нас в сторону, чтобы никто не слышал, и сказала, что никогда не думала, что мы такие нехорошие. Когда мама говорила «хорошие» — это была высшая похвала, а когда «нехорошие» — наоборот.

— Эта женщина больна, и ей надо помогать во всем, а плачет она, потому что

боится ехать в лодке. Хорошо, что вы такие храбрые и не боитесь, — говорила нам мама. — Но я очень огорчусь, если услышу, что вы опять начинаете такие разговоры.

Мы обрадовались, что мы храбрые, заверили маму, что больше так не будем, мама нас обняла, поцеловала, и мы остались довольны. Хотя женщина нам все равно не нравилась, мы уже ее не осуждали, а просто многозначительно посма- тривали друг на друга, когда она плакала.

После обеда лодки спустили на воду, все расселись в них, как и раньше, и пу- тешествие продолжилось. Светлый день превращался в сумерки. Папа решил не следовать советам метеоролога. Река неизвестная, коварная, есть много поворотов, порогов, мелких мест. Ночью идти очень опасно, тем более что пассажиры — чет- веро детей, две женщины, одна из которых ждет ребенка, а мужчин только двое на три лодки. Становилось очень холодно, даже под такой дохой. Мама все время сидела рядом с папой на веслах. Представляю, как же ей было холодно. Папа вы- бирали место, где можно было бы остановиться на ночь. Но берега были слишком крутые, лодки некуда было вытаскивать. Папа тревожился, потому что ночь на- ступала очень быстро.

Все очень устали, девочка в соседней лодке тоже начала капризничать. Бед- ный Гоша, как мог, успокаивал ее. Вот достались же ему пассажирки. Брат мой рассказывал нам с Маринкой сказки, в них было много страшного, но и много смешного.

Вдруг папа закричал:

— Гоша, вижу хорошее место! Скорее к берегу!

Течение в Ангаре быстрое, и нас могло пронести мимо этого клочка берега. Какие же молодцы папа, мама и Гоша! Все сделали быстро и слаженно. Нам же велено было сидеть и не двигаться. Когда лодки вытащили на берег, позволили выйти нам. Опять канитель с женщиной. Девочку брат решил взять с собой соби- рать хворост. Но она едва шевелилась в своих одеждах и больше мешала, чем по- могала. Папа и Гоша долго возились с лодками. Их нужно было вытащить на берег как можно выше. Я видела, как это было тяжело. Трудились все, кроме Маринки и «тех двух». Я вытаскивала из лодки одежду, котелки и всякую мелочь.

И вот все готово — лодки надежно закреплены. Но как подняться на высокий берег? Он почти отвесный. В дело пошли топоры. Кое-как был проложен подъем. Лучше не вспоминать, как папа и мама поднимали эту женщину наверх!

Гоша и папа срезали лапник с огромных елей, мы с братом подносили его маме, а мама делала «лежбище», как мы шутили. Палаток у нас не было, было только два тента. Папа растянул их между деревьями, под ними укладывали лап- ник. На лапник — ватные спальные мешки. После ужина, опять каша с тушенкой, а чай с шиповником, посуду вытирали пихтовыми ветками, они не колются так, как еловые. Спускаться к реке уже было опасно, темно.

Маленький, вернее обычный, костер не годился на ночь. Папа и Гоша, конеч- но и Андрей с ними, рубили лиственницы. Это мое любимое дерево, и мне было жалко, что рубят именно лиственницу. Но папа объяснил, что лиственницы горят ровно и дают хорошее тепло, а это нам и нужно. Огромные, толстые бревна во- локом притащили к нашей стоянке. Сложили их особым способом (папа сказал, это называется «нодья»). Между тремя стволами укладывали бересту березовую и лучины, которые строгал Андрей. Маринка и я уже улеглись, но было холодно то спине, то бокам, то рукам. Андрей хотел сидеть всю ночь и следить за костром,

но папа сказал, что ему завтра понадобятся силы, поэтому он должен выспаться. Папа на него надеется. Женщина с девочкой спали под другим тентом, но рядом с нами. Им, наверное, было тепло.

Папа и Гоша спали у костра попеременно, по два часа. Нужно было все время подбрасывать ветки в костер, чтобы он горел равномерно и хоть как-то обогревал нас. И потом — это же тайга, кругом на много-много километров нет никакого жилья, а звери непременно имеются.

Я лежала и смотрела на костер. Это зрелище я никогда не забуду. Костер горел очень ярко. Искры от него поднимались так высоко, что иногда терялись в ветвях деревьев, за ними трудно было уследить. Но оторваться было невозможно. Пламя костра, искры, черная тайга кругом, тихий плеск реки внизу, боже, как это чудесно! А запах костра я люблю до сих пор.

Мама иногда вставала и садилась у костра, думаю, ей было очень холодно. Папа накидывал маме на плечи свою шинель, а сам оставался в тонкой куртке. Он говорил, что ему тепло, даже жарко, потому что он все время занят костром. Я долго не могла уснуть, летящие искры завораживали меня, я боялась, как бы деревья не загорелись. Но папа сказал, что искры не долетают до веток, а гаснут на полпути. Незаметно и я уснула. Но спала плохо, тяжело. Это я такая с самого детства — всегда плохо сплю, особенно перед переменной погодой.

Проснувшись я от громких разговоров. И не поверила своим глазам. Все кругом было покрыто снегом, толстым слоем снега. Наш тент так прогнулся от снега, что мы с Маринкой с трудом вылезли из-под него. Это была катастрофа. Но исправить ее невозможно. Просто наступила настоящая зима. Мама уже приготовила завтрак. Папа и Гоша были на берегу у лодок. Мама еще раз предупредила нас, чтобы мы вели себя хорошо, потому что ситуация опасная и нужно быть предельно осторожными и послушными. Но самое трудное было — это свести женщину вниз с высокого берега. Тут уж помучились все взрослые. Папа чуть ли не на своей спине доставил ее к лодкам.

А кругом все было белым-бело. Здесь снег и не думал таять. Теперь его будет все больше и больше, и так до весны. Это было красиво, но холодно. Мерзли руки и ноги, и хотелось скорее сесть в лодку и завернуться в доху. Вода вокруг кормы замерзла, но это был еще тонкий лед, его быстро обрубали топорами. Видно было, что папа очень встревожен, потому что он больше молчал, меньше шутил. Мы погрузились в лодки и опять, цугом, пошли вниз по Верхней Ангаре.

Метеоролог был прав — за нами шла шуга, и шла быстро. Шуга (или сало) — это скопление рыхлого льда, образуется при переохлаждении воды ниже нуля градусов по Цельсию. Шуга может течь как вода, вниз по течению реки, это явление называется шугоходом. Если шуги очень много, то течение реки может забиться, как плотина, а уровень реки может подняться. Если температура воздуха падает, то шуга превращается в лед. Все это папа нам рассказывал, пока мы сидели в лодке. Мелкие льдины, собравшись в комок, проплывали мимо, обгоняя нас. Решили не останавливаться на обед. Лепешек уже не было, оставались только сухари. А воды было сколько угодно, но она была такая холодная, что ныли зубы. Мама советовала нам, прежде чем проглотить воду, погреть ее во рту. Но зубам было холодно, и мы пили просто холодную воду. Папа и мама гребли, не останавливаясь, Гоша тоже налегал на весла.

Стояла тишина, вся тайга уже была в снегу, в глубоком снегу. Не верилось, что это случилось за одну ночь. Мама сняла свои резиновые ботинки, папа обмотал

ее ноги какими-то мешками. Мне было жалко маму, хотелось плакать, но я знала, что это нельзя ни в коем случае. В такие моменты я сразу вспоминала нашу пассажирку в соседней лодке. Андрей уже рассказал нам все сказки, и мы стали вспоминать, как купались в озере Иркана. Однажды я провалилась в какую-то яму на дне озера, но Андрей быстро схватил меня за волосы и вытащил. Я даже не почувствовала боли. Потом мы вспоминали наших собак, говорили Маринке, что они живут у других добрых хозяев и все время вспоминают Маринку и ждут ее на следующее лето. Она была довольна и верила, что, когда приедем опять в Курмору, собаки будут жить с нами. И в дальнейшем она всегда имела собак, правда не лаек, а рыжих сеттеров. Да у нас у всех всегда были собаки, у меня в основном метисы — дворняжки.

К папиному огорчению, мы продвигались очень медленно, мешала шуга. Ее становилось все больше и больше, она издавала какой-то особенный шум, свойственный, видимо, только шуге. А ведь нам нужно было ночевать в тайге еще дня два, не меньше. Но о том, чтобы грести и ночью, не было и речи. Хотя ночи были какие-то светлые — от снега и луны. Вторая ночь прошла легче. Не было такого высокого и крутого берега, лапника было достаточно, и нодря горела хорошо.

На третий день шуга была везде, по всей реке. Папа поднял нас очень рано, было еще темно, но нужно было поесть до рассвета, чтобы сидеть в лодках, когда будет светло. А в лодке можно и поспать, кому хочется. Грести было очень трудно, часто весла попадали не по воде, а по льду. На глазах отдельные куски льда соединялись, сцеплялись и плыли уже огромными льдинами. Приходилось прорубать топором лед перед лодкой, чтобы хоть как-то продвигаться вперед. Мы с братом уже не разговаривали, а с тревогой следили за папой и мамой. К счастью, Маринка часто спала.

Еще не наступил полдень, как лодки встали, топоры уже не помогали. Река замерзала мгновенно. Все наши три лодки застряли на середине реки. Папа еще немного надеялся на быстрое течение, которое могло разбить льдины, но этого не происходило. Теперь лодки оказались ближе к правому берегу реки, впереди был поворот. Берег в том месте был очень широким, пологим и должен быть каменистым, как предположил папа, хотя все было покрыто снегом.

Лодки стояли, папа с Гошей решили подождать, вдруг течение поможет. Уже наступал полдень, папа и Гоша очень тревожились. Ночевать в лодках посреди реки — верная гибель. И вот тогда папа придумал «великое переселение», как мы потом это называли с Андреем.

Папа веслами ударял по льду, но лед не трескался. Значит, был достаточно твердым, что и выяснял папа. Нам пришлось покинуть доху. Папа разложил ее на льду мехом наружу, в рукава просунул весла, лег ничком на доху и стал медленно ползти к берегу, передвигая весла руками и отталкиваясь ото льда ногами.

— Миша, с Богом, — шептала мама.

Я всегда удивлялась, когда взрослые в нашей семье говорили: «С Богом!». Нас же в школе учили, что Бога нет, летчики облетели все небо и никогда Бога не видели. Но я всегда так думала про себя и никогда никого не спрашивала, почему так говорят. Я бы никогда не призналась (в то время), но тогда я тоже повторяла за мамой: «С Богом!». Мне было страшно. Никто не разговаривал.

Папа медленно полз к берегу. Казалось, что лед под ним прогибается. Наконец папа встал на берегу, поднял обе руки и крикнул, что «идет» назад. Таким же образом он приполз обратно. Доха с веслами осталась на льду. Папа обнял маму:

— Теперь твоя очередь, Валюша. — Потом обнял Андрея. — Он будет первым пассажиром.

Андрей должен будет стоять на берегу и ждать нас. Мама легла на доху, руки положила на весла, как папа, Андрей лег рядом. И мама с Андреем очень медленно «поплыли». Несмотря на холод, мне было жарко от страха. Хотелось подойти к папе, но он стоял и так смотрел на маму, что я не могла подняться со дна лодки. Так мы и сидели с Маринкой, обнявшись. Она, видимо, не понимала опасности происходящего.

Но вот и Андрей с мамой на берегу! Мама стояла всего секунду, как мне казалось, потом, обняв Андрея, снова легла на доху и вернулась к лодке.

— Ну, Аннушка, теперь ты поплывешь, — сказал папа. Он решил, что лед за это время достаточно окреп, и можно положить рядом со мной что-нибудь из вещей. И меня папа крепко обнял и поцеловал.

Мне казалось, что мы никогда так часто не обнимались, как в тот день. Я легла рядом с мамой, она мне улыбнулась. Со мной положили мешок с котелками и мисками. Мама стала двигать веслами и отталкиваться ногами. Мы «поехали», животу было холодно. Страх пропал, я была рядом с мамой. Я почти ничего не видела, потому что лежала лицом в мех дохи. Но я слышала, как тяжело дышит мама. Я думала, что сейчас мамочка моя перевезет меня, потом Маринку и останется с нами. Андрей нас встретил криком ура! Он взял нас с мамой за руки и начал прыгать. Я тоже прыгала. Мама же быстро обняла нас, велела быть осторожными, никуда не ходить, но бегать, чтобы не замерзнуть. И опять мамочка отправилась к лодке. На этот раз мама привезла Маринку и много вещей. Мы сгребали снег с больших валунов и укладывали на них вещи. Мама с нами не осталась, ей нужно перевезти еще девочку и женщину.

Мы видели, как папа помог маме подняться в лодку, как завернул в свою шинель, и мама сидела отдыхала. Гоша предлагал заменить маму, но это был большой риск. Мама тоненькая, легкая, а Гоша, тем более папа, намного тяжелее. Лед мог не выдержать. Отдыхала мама всего несколько минут, потом перевезла девочку с поклажей и сразу повернула назад. Девочка держала какой-то большой сверток, обшитый новой мешковиной. Положить его на камень она не хотела. Мы пытались узнать, что там, но она сказала, что мама не разрешила говорить, что там лежит. А нам было интересно, но девочка молчала, и мы отстали от нее.

Андрей вдруг увидел, что в лед около самого берега вмержли рыбки. Это были мальки, размером не больше мизинца. Но Маринка хотела, чтобы мы их достали, тогда они будут плавать в деревянной миске. Пришлось выцарапывать мальков изо льда. Несколько мальков уже плавали — просто болтались в миске с водой. Но Маринка занялась ими. Девочка положила свой сверток на камень и села на него. Мы к ней не подходили.

А в это время мама уже перевозила женщину. Но мы не могли понять, где же мама этой девочки, потому что видели только какие-то вещи, наваленные на доху. Но, когда мама уже была близко, мы поняли, что это живот женщины. Мы все лежали на дохе ничком, а она лежала на спине. Мама и Андрей помогли ей встать с дохи, и она громко заплакала. Мама ее утешала, говорила, что все самое страшное позади, девочка тоже стала плакать. Девочка встала, и на мешок села ее мама. Было как-то неприятно и грустно. Мама сказала нам, что ей нужно вернуться и еще один раз привезти вещи, которые остались в лодках, а они нам понадобятся.

Мне опять стало страшно за маму, но брат говорил, что лед уже совсем твер-

дый, и не страшно. Мы смотрели, как мама приближается к лодке. Папа опять помог ей встать, поднял в лодку, обнял ее, а Гоша отвернулся. А мы с Андреем смотрели, как папа обнимал и целовал маму. Нам тоже хотелось быть там, в лодке, вместе с мамой и папой.

Папа, мама и Гоша о чем-то совещались. Что там происходило, мы, конечно, не понимали. Гоша отвязал тросы, которые связывали лодки. Он был во второй лодке, отбирал вещи, необходимые нам на берегу. Мама перешла в третью, где были образцы пород и наши запасы — банки с консервами. Мама отбирала консервы, которые нужны будут в первую очередь для обеда. Пока мама занималась этим, папа и Гоша, уже в первой лодке, укладывали вещи, чтобы перевезти на берег.

Семья Лавровых, 1945, из семейного архива

Я не знаю, как это случилось. Мы все услышали какой-то гул. Все насторожились. Мы не знали, откуда он идет. Но мы увидели, как лодки как-то задрожали. Все произошло очень быстро. Последняя лодка, где была мама, вдруг приподнялась, вернее, приподнялась ее корма. И нос лодки повернул в сторону берега, где были мы. Лодка «поехала» по льду очень быстро, а за лодкой вдруг поднялся лед (или шуга) и стал еще быстрее толкать лодку. Лодка с мамой просто пронеслась мимо той лодки, где были папа и Гоша. Лед напирал сзади, вода открылась, и лодка с мамой быстро направилась к берегу, но дальше от нас, к повороту. Мама встала в лодке. Папа закричал каким-то не своим голосом:

— Валюша, прыгай на берег! Валя, прыгай, прыгай и беги!..

Куда прыгать и куда бежать, мне было непонятно. Мы все очень испугались, и даже Маринка заплакала, услышав такой папин крик. Лодка просто неслась на берег. Около самого берега мама вдруг выпрыгнула из лодки и побежала вперед по снегу, а лодка упала на берег, на борт, и из нее вывалилось все, что в ней было. Мама повернулась и побежала к нам, а мы с Андреем — к ней. Даже про Маринку забыли.

А папа и Гоша уже на веслах сквозь шугу и по чистой воде добрались до бе-

рега. Папа выскочил из лодки и тоже побежал маме навстречу. Он обогнал нас и просто подхватил маму, она чуть не падала. Гоша тоже прибежал с дохой. Маму завернули в доху, папа перенес маму на руках к большому валуну, посадил ее и сел рядом. Гоша взял меня и Андрея за руки и повел туда, где были остальные. Гоша сказал, что мама отдохнет и они с папой придут к нам. Гоша поднял Маринку на руки, стал ее кружить и говорить, что наша мама героиня. Он таких женщин никогда в жизни не видел, и как нам повезло, что у нас такая мама и папа тоже. Кстати сказать, мои родители (и мы тоже) стали большими друзьями с Гошей, а когда он женился, то и с его семьей.

Только много позже я поняла, какой подвиг совершила мама, перевозя нас — пятерых! — по льду из лодки на берег. Еще бы каких-то двадцать-тридцать минут, и она могла бы погибнуть с женщиной из Куморы, которую перевозила последней.

Сильное течение Верхней Ангары взломало лед, и он начал двигаться в нашу сторону. Счастье еще, как говорили между собой взрослые, что мы были довольно близко к берегу. Метров пятнадцать-двадцать. Та лодка, которая перевернулась на берег, уже не годилась для путешествия. Она разбилась о камни. Если бы мама не побежала, выскочив из лодки, ящики с образцами могли бы просто раздавить ее. Да и вообще лодки уже были не нужны. По Верхней Ангаре шел ледоход, вот-вот река должна была замерзнуть.

Папа привел маму к нам, но велел ей сидеть в дохе и греть ноги. Мы радовались, что мамочка с нами. Папа с Гошей пошли посмотреть, что там с грузом из разбитой лодки. Очень быстро вернулись, сказали, что нашли недалеко, чуть за поворотом, на поляне, чум. Вот и ночлег для нас. Папа направился к женщине, сидевшей на тюке. Он что-то тихо говорил ей, но она не двигалась с места. Тогда папа громко сказал, чтобы она встала. Мы все, кроме мамы, подошли к ней. Она стала плакать и говорить, что это подарок, она не может им распоряжаться. Папа сказал, что в таком случае будет распоряжаться он сам.

— Я знаю, что в этом свертке, — сказал он, — и сейчас настало время его вскрыть.

Еще папа сказал ей, что и она, и ее дочка навсегда обязаны своими жизнями именно нашей маме.

Папа достал из ножен свой огромный нож, сделанный каким-то ссыльным латышом и подаренный папе, и разрезал мешковину. Там лежали две пары новеньких валенок! Одну пару папа отнес маме и сам надел валенки ей на ноги. Валенки были большие, но они спасли маме ноги. Вторую пару папа велел надеть Андрею. Началось «великое переобувание», так это назвал мой брат. Его ботинки надела я, а Маринке пришлось надеть мои ботинки. Папа сказал, что около чума стоят большие скирды соломы, он намнет солому и положит нам с Маринкой в обувь, и нам будет тепло. И действительно, ногам стало тепло и уютно.

Мы взяли вещи, кто сколько мог, и пошли к чуму. Это был просто остов чума, одни жерди. А рядом огромные кучи соломы, покрытые снегом. Мы быстро стали сбрасывать с них снег и носить его к чуму, а папа с Гошей набрасывали его на жерди. Чум был высокий, доверху его невозможно было закрыть. Мама выгребала снег из чума, нужно было оголить землю, чтобы снег не растаял внутри и чтобы мы не промокли. Посредине нашего нового жилища папа вырыл неглубокую яму — для костра. Здесь мама и приготовила обед. В чуме было тепло от костра, мама и Андрей наслаждались в валенках, несмотря на то что они были больше на несколько размеров. Женщина не плакала, но видно было, что она недовольна. Мама

переживала, говорила папе, что, может быть, не нужно было брать чужие валенки. Но папа сказал, чтобы он больше разговоров о валенках не слышал.

Мы разлеглись на ворохе соломы, было тепло, но наружу выскакивать по нужде было очень холодно. Мы лежали и смотрели на небо. Оно было огромное, все усыпано звездами. Вокруг луны мутное кольцо. Папа нам рассказал, что это явление называется «гало», и объяснил, что это признак того, что завтра будет очень холодно. Так и оказалось. Папа показывал нам звезды и рассказывал о них очень интересные истории. С тех пор я полюбила звездное небо, научилась распознавать созвездия, знаю их названия. А папа подарил мне уже в Иркутске звездный атлас и замечательный двухтомник Камиля Николая Фламмариона «Звездное небо и его чудеса». Имя Фламмариона занесено на карты Луны и Марса. Ночевка в чуме, как и вся экспедиция, запомнилась нам всем, и мы часто вспоминали это время в Иркутске и рассказывали о нем своим друзьям.

После всех мытарств этого дня мы хорошо спали на соломе. Было так уютно! Думаю, мы всю скирду перетащили в чум. Когда я проснулась, мама уже все приготовила на костре. Ни папы, ни Гоши в чуме не было — они пошли к лодкам. Их не было долго. Мама и Андрей наслаждались в валенках, женщина не смотрела в их сторону. После завтрака мы, дети, пошли поиграть в снегу. Мужчины пришли к вечеру, когда мы все уже сидели в чуме. Оказалось, что недалеко от чума (идти полчаса) есть протока, а на той стороне узкой протоки — лодка. Протока не замерзла. После обеда папа, Гоша и Андрей (в валенках!) пошли к протоке. Лодка стояла, но добраться до нее не было возможности.

Пришлось ночевать в чуме вторую ночь. Мы были не против, нам нравилось в чуме. Утром следующего дня мужчины опять пошли к протоке. В лодке сидел старик с большой бородой и ловил рыбу. Папа заговорил с ним. Выяснилось, что на той стороне протоки было зимовье, в котором проживали косцы — «сенокосчики». Их забрасывали туда летом, и они косили траву, готовили сено, потом его вывозили осенью по воде или зимой по льду и переправляли на фронт. Их должны были уже давно вывезти в Нижнеангарск, но что-то запаздывали. Теперь уже нужно было ждать, когда Ангара хорошо замерзнет.

Договорились, что старик перевезет нас (партиями) и отведет к зимовью. Папа пообещал ему деньги (и, конечно, заплатил). До самого вечера длился наш переезд через протоку. Опять была канитель с женщиной. Лодка узкая, и ей было страшно, нам тоже, мы боялись, что она перевернет лодку. По тропке в снегу мы двинулись гуськом к зимовью.

Это было большое зимовье, просто как дом. Жили там три здоровенных парня и две девушки, кроме старика. Внутри вдоль двух стен были сколочены двухъярусные нары, посередине стоял стол, с двух сторон — скамейки. Окна небольшие с одной стороны зимовья. С другой — входная дверь, а за ней большие холодные сени. В углу — железная печка. За столом сидела вся «великолепная пятерка», так прозвал их папа.

Нам выделили нижние нары. Под них мы сложили кое-какие вещи. Женщина сразу легла, а дочка ее сняла шапку и стала неистово чесать голову. Страшно было смотреть. Вся голова у нее была в струпьях, мама сказала, что это «золотуха». Во время путешествия ни женщина, ни ее дочка не снимали шапки, я заметила. Какой бы ни был холод, около костра по утрам мама расчесывала мои кудри, это было больно, и я даже завидовала, что у Маринки прямые волосы. Если была возможность, мама расчесывала нам волосы и по вечерам. И у меня, и у Маринки были

длинные волосы. У девочки же волос не было вообще, сплошная корка. Мама опять, уже не первый раз, приступила к ней с вопросом: как тебя зовут? Девочка опустила голову и молчала. Только мама хотела отойти от нее, она тихо произнесла: «Зоя». Наконец-то. Я не хотела играть с Зоей, мне было неприятно, что у нее творится на голове. Мама нашла в своем узелке чистую белую тряпочку, повязала ее на голову Зое и просила не чесаться, иначе ей же будет хуже. Конечно, Зоя все время чесала голову. Мама Зои лежала на нарах, и ей было все равно. Из зимовья Зоя не выходила, мы же часто выбегали, бросались снежками.

Зимовье стояло на высоком берегу Верхней Ангары. В этом месте еще шла шуга, но очень медленно. Река замерзала, вставала. Кругом и на той стороне реки чернела тайга. Папа старался обустроить нам жизнь в зимовье. Пол был деревянный, но ужасно грязный. Папа и Андрей пошли вниз, к реке. Там стояла маленькая банька, старик говорил, что ее иногда топят. «Косцы» играли в домино, громко хохотали, девушки визжали. Папа и Андрей принесли стебли какого-то растения, папа сказал, что это будет метла. И быстро сделал метлу. Теперь мы мели пол два-три раза в день. «Косцы» удивлялись: зачем? — скоро все уедут. Папа и Гоша занялись упаковкой образцов, которые перевезли с помощью лодочника. Завернули образцы в мешковину, в которой лежали валенки. Я иногда надевала валенки, когда мама оставалась в доме, а мы с Андреем шли в лес, вернее, ходили по кромке тайги, заходить туда нам не разрешали. Взрослые всегда должны были видеть нас.

Наши запасы подходили к концу. Папа сказал, что как только Ангара окончательно встанет, он пойдет искать первую же заимку. Нужны были лошади, чтобы вывезти нас из зимовья. Папа выторговал у старика немного картошки. Но она была мелкая и какая-то мягкая и мокрая. Мама ее мыла, но не чистила, иначе картошка превратилась бы в горох. На вкус — сладковатая, невкусная, но есть было надо.

Папа с Гошей ежедневно ходили проверять реку и наконец решили, что уже можно перебраться на ту сторону. Они очень тщательно собирались, не брали ничего лишнего, и, конечно, у них были ружья, и у папы нож. Мы очень волновались, особенно мама. Папа тоже нервничал, потому что ему было страшно оставлять маму одну с четырьмя детьми и женщиной на сносях. На помощь «косцов» он не надеялся. Но что делать? Надо было торопиться, чтобы успеть к последнему рейсу ледокола «Ангара».

Рано утром, еще в темноте, мама покормила наших мужчин, мы все оделись и вышли из зимовья. Гоша надел тулуп, а папа — доху. И вот, взяв в руки толстые палки, накануне вырезанные в тайге, они стали спускаться к реке. Ангара была во льду, но все же было опасно. Мы видели, как они очень осторожно, как-то зигзагом, переходили реку, во все время пути стучали по льду палками. Добравшись до противоположного берега, помахали нам и скрылись в тайге. Как дойдут они до заимки, где она, далеко ли, когда вернутся, никто не знал.

В отсутствие папы «косцы» стали вести себя совершенно безобразно. Валялись на нарах с девицами, хохотали во все горло, что-то выпивали, иногда дрались друг с другом. Мама пыталась их тихонько урезонить, но они не обращали на нас никакого внимания. Мы с Андреем собирали ветки для печки. Мама боялась оставить Маринку и Зою с ее мамой одних в зимовье. Мама опять просила меня и брата собирать шиповник, но только у кромки леса, ни в коем случае не заходить в тайгу. Шиповника много было и по берегу. Ягоды шиповника уже замерзли, были очень сладкие. Но семена внутри ягоды были какие-то шершавые и царапа-

ли язык. Мама поила нас только шиповником. Воду добывали, конечно, из чистой-шего снега, собирали его в котелок, потом — на печку. Мама рассказывала нам сказки, разные истории из тех времен, когда она была маленькая. Рассказывала о своих родителях, наших бабушке и дедушке, которых уже не было в живых. Мы очень любили эти рассказы. Я обязательно напишу об этих маминых воспоминаниях.

Прошло несколько дней, а папа не возвращался. Я боялась, как бы на них не напали волки или медведи, которые в большом количестве водились в этих местах. Здесь, в зимовье, особенно нужно было следить за лошадьё, которая была у «косцов». Ночью ее заводили в сени и закрывали дверь на огромную деревянную щеколду. Лошади жилось хорошо, сена было — хоть отбавляй. Но часто по ночам навевался медведь. Лошадь начинала храпеть и нервничать. К дому медведь не подходил, но вертелся вокруг баньки, заходил в нее, разломал скамейки и очаг. Конечно, он чуял, что здесь есть лошадь, но старик стрелял из ружья, и медведь уходил. Видимо, это был шатун, не успел залечь в берлогу или его что-то потревожило, он был голоден, а зимой добыть пропитание очень трудно даже такому крупному хищнику, как бурый медведь.

Как-то мы с Андреем пошли за шиповником, я надела мамины валенки, поэтому шли мы медленно. Да и снег был глубокий. Вдруг из лесу выскочила лисица, ярко-оранжевого цвета. Она медленно направилась к бане. Андрей велел мне не шевелиться. Лисица посмотрела на нас и стала рыть снег около порога бани. Видно было, как она что-то ела. Она была такая красивая! Но, видимо, решила не рисковать и отправилась обратно в лес. Она бежала не спеша, трусцой. Хвост у нее был такой же длинный, как она сама, и очень пушистый. На краю леса она обернулась, остановилась, посмотрела на нас, мне показалось, и скрылась в кустах. Этого я тоже никогда не забуду. Огненная лисица на белом снегу, красота! Мы набрали много шиповника и в зимовье рассказывали о лисице. Старик сказал, что она доедает какие-то кости, которые не может унести в лес. Мы так и не поняли, что это за кости. Их мог бы съесть и медведь.

Старик сказал маме, что у них кончаются припасы и они хотят уехать из зимовья. Лошадь у них есть, сани тоже есть. А хозяин ваш, дескать, скоро вернется и заберет вас. Мама очень разволновалась. Как остаться в зимовье без мужчин, без их ружей? А медведь? Как дети будут ходить в лес за хворостом для печки? Это никого не волновало, кроме нашей мамочки. Старик сказал, что остатки мерзлой картошки он нам оставит, если мама ему немного заплатит. Но у мамы денег не было. Папа взял деньги на покупку лошадей и саней для нас.

А «косцы» стали собираться уже на следующий день. Они ссорились между собой. Каждый хотел взять что-то свое, но у них была только одна лошадь и одни сани. Мерзлая картошка бесплатно осталась нам. Кроме картошки, у нас было еще немного риса и гречки (сечки) да две банки тушенки. Ни муки, ни масла, ни сахара.

На следующее утро «косцы» начали запрягать лошадь. Мы интересовались, как они спустятся с такого крутого берега, но нам ответили, что немного в стороне от зимовья есть пологий спуск. Мама просила, чтобы ей оставили одно ружье, потом папа перешлет его по любому адресу и заплатит деньги. Но нет, ружье нам не оставили. Каким-то непонятным образом «косцы» сорвали с петель дверь в сенях. Навешивать ее снова не стали, сказали, что она вообще не нужна, так как лошади у нас не будет. Ни на какие мамины обещания они не отвечали. Сказали, что не сегодня так завтра мы тоже уже будем ехать в санях. Они в этом уверены.

И вообще им некогда, потому что они торопятся, светлый день короток, а идти по льду довольно опасно. Другой дороги они не знают, поэтому пойдут по реке.

Наконец у них все готово, дверь надежно прислонена к стене сеней. Злые-презлые от бесконечных пререканий «косцы» и недовольные девицы во главе с «добрым дедушкой» отбыли. Старик сказал, что мы их увидим из зимовья, когда они спустятся на лед. Мы все оделись, кроме женщины, которая все утро прорыдала. Дочка ее осталась с ней. Мы вышли из зимовья и стали смотреть на реку. У мамы был бинокль. Этот замечательный бинокль Цейсса был подарен папе его отцом.

Наш дедушка, Михаил Вуколович Лавров, почти десять лет был директором Ташкентской второй (Романовской) женской гимназии. Летом семья возвращалась в Москву, но в основном жила в имении моего прадеда Вукола Михайловича Лаврова (собственника, издателя и редактора толстого журнала «Русская мысль»), в Подмосковье, в Малеевке, рядом — Старая Руза. В советское время имение превратилось в Дом творчества советских писателей, почему-то имени Серафимовича. К. Паустовский и Э. Миндлин возмущались, возражали, говорили, что нужно присвоить имя хозяина имения, но их не слушали. Кроме директорства, преподавания литературы, истории и географии, мой дедушка путешествовал по Туркестану (так в дореволюционное время назывались Узбекистан, Туркменистан, Казахстан и Киргизстан) со своим другом Николаем Алексеевичем Зарудным, зоологом-орнитологом и путешественником. Зарудный преподавал в Ташкентском кадетском корпусе, кроме того, изучал животный мир гор и равнин Средней Азии. Имел много трудов по орнитологии. К величайшему огорчению моего деда, Зарудный трагически скончался, выпив отравленную воду в музее: через три часа его не стало. А мой дед написал об этом путешествии, и в 1914 году вышла его книга «Туркестан. География и история края» с 273 рисунками и 6 картами. Потом уже мой папа путешествовал с биноклем Цейсса.

Вот какой заслуженный бинокль держала мама в руках! Наконец на льду Верхней Ангары показалась лошадь, запряженная в сани, а за ней шли люди. Они были от нас далеко, но все-таки можно было их разглядеть в отдельности; вот выходят на середину реки, видимо, считают, что там лед крепче. Мама смотрела в бинокль и рассказывала нам, что происходит на льду. Мы с Андреем ждали своей очереди. Вдруг мама вскрикнула.

— Боже, кажется, лошадь провалилась под лед! — Мы увидели: что-то творится на льду, и услышали крики, которые хорошо доносились до нас. — Они пытаются ее вытащить, тянут за оглобли!

Мама говорила нам, что лошадь бьет копытами по льду, но не может выбраться на лед. Андрей тянул бинокль из маминых рук. Теперь уже он рассказывал, что видел, как лошадь вытащили на лед. Она скользила всеми ногами, дрожала, все сустились вокруг нее, старались помочь ей встать на ноги, пытались поскорее отвести от этой полыньи, но что-то у них не получалось.

Мне тоже хотелось посмотреть в бинокль, но мама сказала, что у нас единственный мужчина — это Андрей. Зрелище очень тяжелое, поэтому пусть смотрит он и нам рассказывает. Я видела, что у мамы слезы потекли по щекам, но она их быстро вытерла. Мама хотела, чтобы я взяла Маринку за руку и отвела домой, но я сделала вид, что не слышала. Андрей сказал, что лошадь и все люди направились ближе к берегу. И вдруг он закричал, что лошадь снова провалилась под лед. Они набросили ей на шею веревку и пытались вытащить. Это было очень опасно, люди сами могли провалиться под лед, поэтому они отошли далеко от ло-

шади и просто тянули ее. Наконец лошадь вытянули, но она лежала на льду и не шевелилась. Лошадь начали распрягать, «косцы» тянули сани к берегу за оглобли, а старик сидел около лошади. Но она больше не поднялась. Мама взяла бинокль у Андрея, посмотрела немного и решила, что мы все должны идти в дом. И наш мужчина Андрей тоже должен быть с нами дома.

Казалось, время тянется очень медленно. Наступил вечер, стало темно. Но вот пришел один «косарь» и девицы. Принесли мясо. Сказали, что лошадь погибла, ее задушили случайно, когда вытаскивали на лед. Поставили котелок на печку — варить себе обед. Мама усадила нас на нары и стала читать нам «Маленького Мука» — сказку, которую мы знали уже наизусть. Все уже вернулись в зимовье, а сани оставили на берегу. И вот только теперь эти хозяева зимовья начали поправлять дверь. Они боялись медведя, хотя лошади уже не было. А нас оставляли без этой двери! Долго возились, навешивая на петли. Ночью поочередно стояли с ружьем — не пришел бы медведь. Он ведь обязательно почувствует запах мяса. Хотя для него специально оставили много еды — шкуру, кости, голову лошади. И опять началась игра в домино, крики и ругань.

Прошло еще несколько дней, папа с Гошей не возвращались, мы все очень переживали. Беременная женщина купила у старика большой кусок вареного мяса. Мама сказала, чтобы мы и не думали завидовать, у нас есть еще «мороженое» — так мы называли картошку. Но мы были голодны. А запахи шли такие из кастрюли, что мы глотали слюнки и не столько слушали сказку, сколько смотрели на кастрюлю. Тогда мама о чем-то поговорила со стариком. И вот уже мама поставила на печку наш котелок, и варилось в нем что-то почти весь день. Мама все время подливала воду в котелок, потом что-то долго резала, какие-то белые кружочки, которые смешала с картошкой, и мы это ели. Надо было долго жевать. Было очень невкусно. И только много позже я узнала, что это были кишки лошади. Это все, что дал маме «добрый дедушка». Но дал не просто так, а взял у мамы золотое колечко с аметистом, которое ей подарил папа. Хорошо, что мама заблаговременно сняла с руки серебряный браслет, который ей подарила бурятка на острове Ольхон (Байкал) в 1934 году, когда мама, уже после замужества, ездила с папой в экспедицию. Мама носила этот браслет сорок три года, теперь я ношу его уже тридцать девять лет. Потом, когда мы повзрослели, мама рассказала нам, как она боялась и этих «косцов», и этого старика, который был не такой уж и старик. И он, и «косцы» часто смотрели на маму, наблюдали за ней, девицы их одергивали. От беременной женщины и ее золотушной дочки они старались держаться подальше. Ночами мама почти не спала, все время придвигала Маринку и меня ближе к себе и говорила Андрею, чтобы он придвигался ближе к нам. Это якобы для того, чтобы нам было теплее. И только потом я поняла, как же было маме страшно.

С утра и до сумерек Андрей выбегал из зимовья чуть ли не каждые полчаса: посмотреть, не идет ли папа. И вот однажды он влетел в зимовье и просто заорал: — Папа на том берегу! — и убежал. Мама в спешке одела Маринку, и мы тоже выбежали на мороз. Даже «косцы» все вышли. А Андрей уже бежал через реку по льду навстречу папе. Папа шел в дохе, вел лошадь с санями. Рядом Гоша — тоже с лошадью, и еще трое каких-то мужиков в тулупах. И все с лошадьми. Всего было четыре лошади, одна — без саней. Андрей подлетел к папе, папа его закрыл дохой. Через минуту Андрей уже бежал обратно. А папа и его спутники шли медленно, у каждого из них в руках были чугунные пешни, которыми они стучали по льду, пробуя его прочность, шли зигзагами. Андрюшка прибежал и дал маме круглый

хлеб! Папа его держал все время на груди, закрывал дохой, чтобы хлеб не замерз и чтобы мы сразу его могли есть. Мама отламывала нам куски, большие куски, мы просто были на седьмом небе от счастья. Маринка отнесла хлеб женщине и Зое, они оставались в зимовье.

Как же мы радовались! Мы обнимались с папой и с Гошей, наперебой спрашивали, видели ли они волков и медведей. Папа сказал, что медведей не видели, но волков много, и они преследовали их всю дорогу. Мама сразу стала варить обед, просто царский обед! Настоящая картошка и вяленый омуль! Мы мазали хлеб деревенским маслом и посыпали сахаром! Объедение. Было очень весело, мы почему-то все время смеялись. «Косцы» сидели мрачные, папа их пригласил к столу, а мама молчала. Хозяева зимовья отказались, не поблагодарив за приглашение. Папа сказал, что мы отправляемся завтра же.

Как только мы, дети, улеглись спать, старик сказал папе, что хочет с ним поговорить. Весь разговор состоял в том, что он просил разрешения идти с нами. Он рассказал, что случилось с лошадей, сказал, что это первый раз, когда их не вывезли вовремя из зимовья, а они плохо знают реку и вообще не знают дорогу. Папа сказал, что они могут положить какие-то свои вещи в сани, но идти будут пешком, как и он сам и все его спутники, в санях будут ехать только женщины и дети. «Косцы» и их подружки вели себя тише воды, ниже травы. Мама ничего папе не рассказала — ни про дверь, ни про лошадиные кишки, ни про кольцо. На папин вопрос: а где твое колечко? — мама ответила, что сняла его, потому что от костра камень портится. А рассказала папе все уже потом, когда мы были на ледоколе «Ангара». Папа очень сердился, говорил, что, если бы он знал, он бы оставил всех этих «косцов» во главе с их стариком-атаманом в зимовье. Мама сказала, что вот поэтому она и не рассказала ничего.

Три новых папиных спутника, они же и владельцы лошадей и саней, нанятых папой, уже ранним утром начали готовить сани-розвальни к обратному путешествию. Это было очень интересно, мы наблюдали, как они запрягают лошадей, как укладывают солому в сани. Мы выбирали себе сани. Нам понравилась лошадка с длинной гривой, заплетенной в косичку. Мы решили, что это будет наша. В санях на сено мама расстелила доху, и мы сели на нее. Нас также закутали, как и в лодке. Зоя со своей мамой сидела в других санях, мы открыто радовались, что не с нами. Мама так укоризненно на нас посмотрела, что мы с Андреем замолкли. Мама жалела эту девочку, говорила, что ей нужно долго лечиться, еще неизвестно, что будет у нее с волосами, а она ведь девочка. Андрей все же сказал, что не хотел бы, чтобы у его сестренки были такие проблемы. Хорошо, что мама была занята и не слышала наших дальнейших рассуждений по поводу «золотухи».

Мама посоветовала нам хорошенько посмотреть на все вокруг, чтобы запомнить это место — и зимовье, и лес, и реку, и баньку. Теперь нам уже казалось, что мы жили здесь замечательно. Во всяком случае — здесь было очень красиво, хотя и очень уж холодно, да и голодно.

В этот раз «косари» аккуратно закрыли двери, но свернув их с петель, придавили огромными бревнами, закрыли ставни и заколотили их. Это для того, «чтобы мишка не забрался». Наконец мы тронулись в путь. В санях было так уютно, тепло, мягко! Мы ехали тем же путем, каким несколько дней раньше отбывали хозяева зимовья. Спустились на лед, и погонщики направили лошадей под берегом, а не посередине реки, но и не очень близко к берегу, там могли быть полыньи. Мы все время слышали стук пешней по льду. Мама подсаживалась к нам в сани,

но ненадолго. Ей было холодно, и она согревалась ходьбой. Папа шел где-то впереди, он ведь начальник экспедиции. А вот Гоша иногда подбегал к нашим саням, садился на облучок и интересовался, не холодно ли нам. Мы хором отвечали, что нам — замечательно.

Ближе к ночи наш обоз свернул в лес, где мы должны были ночевать. Спали в санях, мама и папа с нами. Девушки-«косарихи» — в санях с Зойкой. Но не все просто спали. Папа разделил мужчин на группы — спали опять по два часа, остальное время должны были нести вахту. Мы с Андреем проснулись почти одновременно. Мама сидела в санях, держала Маринку на руках. Мы проснулись от отвратительного воя и от стрельбы. Мама сказала, что это волки и что «мужчины взяли лошадей с санями в кольцо». У всех ружья. Часто они стреляли, иногда слышался визг зверей. Но мама сказала, что волков пока только отпугивают, но, если они будут нападать, их придется убивать. Волки были очень неприятно. Я не люблю, когда воют собаки, но волки были просто страшно: то они поднимали голоса, то понижали их. Было такое впечатление, что они не дышат, а только воют и воют. Это продолжалось до рассвета. Но они сопровождали нас все дни пути, особенно тогда, когда нам приходилось ночевать в лесу. И всегда были.

Потом папа рассказал, что, если посветить фонариком, видны глаза волков. Это была небольшая стая — восемь-десять волков. Но достаточно для того, чтобы напасть на нас, если бы не было охраны. Мне было очень страшно, я затыкала уши рукавичками, но все равно было слышно. Я больше никогда не слышала волчьего воя, только в ту поездку. У меня так билось сердце, как будто я долго-долго бежала. Не забыть. Спать я уже не могла. А Андрею нравилось, он говорил, что вот это настоящая жизнь, надо это обязательно услышать, и те, кто не слышал... да что о них говорить! Волки были голодные, поэтому пытались как-нибудь напасть на лошадей, но наши мужчины отпугивали их всю такую длинную, темную ночь.

С рассветом мы выехали из лесу и снова спустились к реке. Папа шел за нашими санями и держал маму под руку. Дети нашего двора в Иркутске и мы, конечно, с ними, когда видели парочку под ручку, напевали: «Тили-тили тесто, жених и невеста». Я растолкала своего брата, и мы вдвоем громко запели «Тили-тили...» Папа с мамой смеялись, и мы тоже. Так было весело, что папа и мама — жених и невеста. Я видела, что маме трудно идти по глубокому снегу, хоть и по колее, папа ее поддерживал, и мне это очень нравилось. Нравилось, что они идут под ручку. Мама села к нам в сани, а папа пошел вперед. Мама сказала, что папе не нравится наша лошадка. Да почему же? Она такая хорошенькая.

Но вскоре обоз был остановлен. Пришел владелец лошади. Вместе с папой они осмотрели нашу лошадку, и папа сказал, что хочет поменять ее на ту, которая несет мешки с образцами пород. Владелец нашей кобылки качал головой, вытирал пот со лба, цокал языком и бормотал, что «хозяин — барин». Кто барин — я не могла понять. Папа настаивал на своем. Мама ничего не говорила, не возражала, она знала, что это не просто папина прихоть. Что-то ему не нравилось, как шла эта лошадка и как тянула сани. Пока ее распрягали, мы побежали посмотреть, как едет Зоя. Она сказала, что ей тоже хорошо и тепло. Ну, еще бы! Мы жалели нашу лошадку, потому что на нее навьючивали мешки. Тем временем в наши сани впрягли другого коня, мы снова зарылись в сено и поехали.

Лед был уже очень крепкий, мы ехали посредине реки. Вдруг мы проехали какую-то огромную гору, что-то серое было навалено именно на самой середине реки. Все лошади остановились, решили прямо здесь устроить обед. Оказалось,

что это была замороженная рыба — хариус. Рыбаки ловят ее подледным способом, сваливают в такие горы, потом приезжает конный обоз и вывозит рыбу в ближайший населенный пункт. А оттуда переправляет на фронт. Конечно, и волки, и медведи, и лисы тоже лакомились дармовой добычей, но таких гор из рыбы было много. В дальнейшем, пока ехали, мы не раз их встречали на Верхней Ангаре. Папа принес нам в сани несколько рыбин, обухом топорика поколотил ее, разломил на куски и дал нам. Мама достала хлеб, он всегда был завернут в байковую салфетку и лежал в дохе рядом с нами, чтобы не замерзнуть. Иначе бы превратился в кирпич. Гоша принес в горсти смесь соли и перца, ему дали хозяева лошадей. Оказывается, они всегда имеют с собой такую смесь, потому что часто питаются мороженой рыбой. Мы все вместе поели. Это было так вкусно, хотя и очень холодно зубам. Мясо хариуса белое-белое, а внутренности убираются вместе с хребтом и ребрышками. Называется это лакомство — расколотка. Уже много лет спустя, в Москве, друзья решили угостить меня рыбой, замороженной в холодильнике. Но это мне не понравилось. А там, на Верхней Ангаре было что-то невообразимо вкусное. Я думала, что мы возьмем несколько рыбин с собой, но мама сказала: если все будут брать хоть по одной рыбке, что останется другим?

Наступили сумерки, это очень красивое время суток, особенно если любоваться окружающей тайгой, звездным небом. Звезды кажутся огромными и как будто подмигивают нам, блестят, переливаются. А кругом черная тайга, мы же едем по светлой реке, по льду. А воздух вокруг голубой, все голубого цвета, кроме тайги. Никогда, никогда я больше не видела такой красоты. Хотелось спать, но хотелось и на небо смотреть. Мама говорила, что и завтра будет так же красиво, как и сегодня, а спать надо. Завтра тоже было красиво, мама была права.

На рассвете обоз остановился. Мужчины совещались. Решили подняться в тайгу и идти вдоль берега. Снега было так много, что лошади едва пробирались сквозь сугробы. Да еще нужно было лавировать между огромными деревьями. Но в этом месте лед на Верхней Ангаре был тонкий, а рисковать было нельзя. Долго мы шли по тайге, и уже к вечеру, незадолго до сумерек, решили опять спуститься на лед и там заночевать. Здесь для волков — плохое место. Их видно, да и им неудобно бегать по льду. Но в лесу они нас не оставляли. Пока мы ночевали на льду, они караулили нас в лесу.

Первая пошла лошадь с санями, где лежали продукты, образцы, посуда. Она спустилась благополучно, мужчины придерживали сани; за ней — сани с Зоей и ее мамой, потом наши сани. Было немножко страшно, все-таки спуск был не такой уж пологий. И вот все сани на льду. Должна спускаться наша лошадка, с гривой, заплетенной в косичку. Мы наблюдали, как она сделала несколько шагов, но вдруг упала и покатилась вниз. Так быстро — мелькнули ноги, спина с выюками и голова. Она лежала на льду, на боку. Папа первый подбежал к ней и перерезал своим огромным ножом веревки, обвязывающие груз. Лошадь подняли, осмотрели, ноги были целы, слава богу! Но ее трясло, и она странно дышала, пар вырывался из ноздрей сильнее, чем обычно. Папа и владелец лошади что-то быстро сказали друг другу и повели лошадь в прибрежные кусты, через которые она «летела».

Гоша пошел посмотреть, что там, вернулся и сказал, что у лошади будет жеребенок. Вот это да! «Косцы» и их «атаман» пошли в кусты — помогать. Мы тоже хотели пойти и посмотреть, но нам не разрешили, сказали, что ей сейчас очень тяжело, и мы будем только мешать. Пришлось слушать громкие крики мужчин, ржание лошади. Я очень переживала, и сердце опять колотилось так, как будто

хотело выскочить из груди. Мама нас успокаивала, говорила, что все должно быть хорошо. Прошло довольно много времени, мама замерзла, села к нам в шубу, взяла Маринку на руки и грелась.

Пришел папа, очень довольный, и сказал, что жеребенок родился, но пока не встает на ноги, очень слабенький, видимо, родился раньше времени (из-за падения), ему там все помогают. Папа сказал, что еще вчера заметил, что с лошадью что-то не так, но что — он не мог понять. Хорошо, он заставил владельца лошадки впрячь в наши сани другую лошадь. Иначе — страшно подумать, что могло быть с санями и с нами на этом спуске.

Пришел хозяин лошади, благодарил за что-то папу и сказал, что жеребенок сосет, но очень слаб, и его придется какое-то время везти в санях. Какое счастье, что с лошадью все обошлось. Как же хотелось увидеть этого жеребенка! Наконец его принесли на тулупе и положили в сани, в которых были образцы и продукты. Мы видели только тулуп, на котором несколько мужчин несли жеребенка: уже спустились густые сумерки. Нам сказали, что мы увидим малыша завтра, а сейчас и лошадь, и ее жеребеночек должны отдыхать. И мы тоже устроим здесь ужин и ночлег. Который раз мы уже ночевали в санях на льду, а не в тайге. Нам хотелось, чтобы скорее наступило утро и можно было увидеть жеребеночка.

Какой же он был хорошенький! Весь черненький, а передние ножки до коленок — белые. Совсем не в мамину масть, она была темно-коричневая. Мама и ее сынок стояли около саней, и он «завтракал». Все же он плохо держался на ногах, и его опять положили в сани. Он не сопротивлялся. Мы немного его погладили, все время восхищались им, а Зойка сказала, что жеребенок как жеребенок, ничего особенного. Мы решили, что она ничего не понимает в жеребятках.

Снова мы тронулись в путь, лошадку нашу привязали к саням, где лежал ее сыночек, их хозяин шел рядом. Папа подсел к нам в сани и сказал, что сегодня к вечеру мы должны приехать на заимку. Что такое заимка, я не знала, но почему-то не хотела спрашивать. Я все время думала о жеребенке. Папа говорил маме, что не понимает хозяина лошади. Он должен был знать, что его лошадка ждет жеребенка. Почему он это скрыл? Может быть, хотел заработать и думал, что роды пройдут позже? Явно было, что он избегал разговора с папой на эту тему. Но наши родители решили, что все прошло хорошо, хоть и доставило всем много волнений, поэтому выяснять отношения не будут, тем более что мы вот-вот уже приедем. Вскоре мы услышали лай собак, некоторые даже прибежали нам навстречу и пытались заскочить в сани. Мы были бы рады, но собакам ехать в санях не полагалось.

И вот мы на заимке. Это не деревня, это всего несколько домов, окруженных тайгой с трех сторон, а с четвертой стороны — Верхняя Ангара. Нас подвезли к деревянному домику с маленьким балкончиком под крышей. Зою с ее мамой поместили в другом доме. Ходить было как-то странно, ноги плохо слушались. Мы долго сидели в санях, и очень хотелось побегать. Вышла хозяйка — толстая женщина. Она была в валенках, но в платье с короткими рукавами. Это в мороз-то! От нее шел пар. Она быстро провела нас в горницу и сказала, что будет кормить пельменями. Недавно охотники добыли изюбря, конечно, не одного, а нескольких. Уже замороженное мясо отослано на фронт. В основном на заимке живут охотники, которые поставляют мясо для фронта. Почти в каждом районе в Сибири были такие заимки, на которых жили охотники. Их обязывали сдавать мясо диких животных, которое потом отсылали для наших воинов. Это было и зимой, и летом.

Горница нашей хозяйки казалась маленькой, потому что в огромной кадке стоял фикус до самого потолка, да еще раскинул в стороны огромные ветви с громадными листьями. До этого времени я никогда не видела фикусов. Он произвел на меня сильное впечатление своими размерами. На самой нижней ветке вместо листа был побег — маленький листочек, свернутый в трубочку. Из него должна была получиться очередная ветка. Хозяйка сказала, что она знает каждый лист наизусть и что ни у кого на заимке нет такого фикуса с таким количеством листов. А фикусы были у всех. Они стояли на полу в бочках, ушатах, кадках — кому как нравится. И у всех на окнах цвели герани и бегонии.

Пельмени были очень вкусные, и их было много. После такого обеда нам решили одеться и побегать на улице. Снег кругом был белый-белый, только во дворе он был хорошо утрамбован. А где же жеребеночек? Оказалось, он живет в другом дворе. Гоша повел нас посмотреть на малыша. Мы даже не поверили своим глазам — он бегал по двору и даже иногда подскакивал. Такой хорошенький! Не помню, чтобы я когда-нибудь видела так близко жеребенка, а тем более даже не могла подумать, чтобы дотронуться до него. А здесь мы его гладили, потому что Гоша угощал его в это время хлебом. Вдоволь налюбовавшись, мы пошли домой. Мама уже расстелила на полу в горнице спальные мешки, где мы должны были провести ночь, а затем ехать дальше — в Нижнеангарск. Нас оставили одних и велели ложиться спать. Маринка подошла к фикусу и оторвала тот самый маленький отросток, которым так гордилась хозяйка. Маринка зажала отросток в кулачке и сказала, что она его дома посадит. Так она и уснула — с листочком в кулачке.

Рано утром хозяйка вскипятила на улице самовар и принесла его в горницу. Мешки уже были убраны, все вещи сложены, мы приготовились к отъезду. Мы с Андреем боялись, как бы хозяйка свое внимание не обратила на фикус. Завтрак прошел хорошо, мама помогала хозяйке убирать со стола. Мы все благодарили ее, она была довольна, говорила, что всегда будет рада нас видеть снова. И вдруг она изменилась в лице: мельком взглянула на фикус и сразу увидела, что отросточка нет! Боже, что случилось. Она чуть не плакала: кто же мог это сделать, кто сломал его, кто оторвал? Маринка сразу сказала, что это не она. Мама смотрела на нас. И Андрей сказал, что это он случайно оторвал отросток, просто хотел его потрогать, а он отвалился. Мне было жалко Андрея, но я промолчала. Конечно, мама хорошо знала, что это не Андрей. Она точно знала, что это Маринка. Но Маринка начала бы отказываться, что это не она, еще начала бы плакать, а нам надо ехать. Но Андрею все-таки досталось, ему пришлось просить прощения. Хозяйка пыталась найти отросток, но Андрей сказал, что выбросил его на улице подальше от дома. А листок этот лежал в кармашке платья Маринки. Бедная мама и Андрей еще раз просили прощения у хозяйки. Уж не знаю, как она это пережила. Потом мама расспрашивала Маринку, но наша сестренка не выдала себя, сказала, что это Андрей оторвал, он же сам сказал, что это он виноват. На том дело и кончилось.

И вот мы снова в санях, уже по проторенной дороге едем в город — Нижнеангарск. Лошади бежали трусцой, а не шли медленно, как в тайге или на льду. Только поздно вечером мы приехали, нас сразу отвезли в избу-читальню, где мы переночевали. Мы узнали, что ледокол «Ангара» стоит на якоре, но такой сильный шторм, что до него добраться нет никакой возможности. Оказалось, что «Ангара» уже могла бы давно уйти в порт Байкал. Но ждали только какую-то экспедицию, то есть нас. Чтобы добраться до ледокола, нужно было подойти к нему в лодке. А волны такие, что лодка не может отойти от берега. Нужно ждать, чтобы волны

хоть немного успокоились. Все нервничали, взрослые все время совещались. Вся власть города собралась, чтобы обсудить обстановку. А медлить нельзя, Байкал замерзает — скоро встанет. Ведь уже кончается декабрь.

Женщина с Зоей, как приехали в Нижнеангарск, так там и пропали, мы их больше не видели. Правда, валенки остались у Андрея и у мамы, папа их купил. Сам город мне никак не запомнился, только изба-читальня, да огромные волны Байкала. Забереги были уже большие, но рыбаки быстро их скололи. Дня три-четыре мы ночевали в Нижнеангарске. Наконец было решено, несмотря на погоду, попытаться добраться до ледокола.

Вот и наступил этот страшный день. Для меня страшный. Мы поместились в лодку, в рыболовный баркас, она была очень большая, с высокими бортами. В ней были две «банки» — сиденья для гребцов. Все рыбаки и гребцы были одеты в брезентовые куртки с капюшонами, и у всех были высокие резиновые сапоги. Хотя лодка стояла у берега, ее все время подбрасывали волны, поэтому рыбаки стояли в ледяной воде по пояс и держали лодку. Мы сами не могли бы сесть в нее, поэтому нас, каждого, на руках переносили рыбаки. Они шли прямо по воде. Гребцы уже сидели, держали весла поднятыми. А по бокам лодки стояли рыбаки, их было много. Мне казалось, они просто стеной стояли по бортам. Стояли и удерживали лодку за борта. Наконец кто-то из них закричал:

— Раз, два, взяли! — Они приподняли лодку и по воде проволокли ее дальше в озеро, а потом толкнули, «бросили». Гребцы отчаянно начали гребсти в сторону ледокола.

На ледоколе тоже кипела работа. Около борта, к которому мы должны были подойти, повесили резиновые покрышки от машин, круги спасения. Мне было очень страшно смотреть на волны, они были кругом, серые волны, серое небо, огромный корабль и больше ничего не видно, кроме огромных льдин, плавающих вокруг. Я думала, что мы утонем, меня трясло от страха. Мне хотелось, чтобы мама держала меня, но она держала Маринку, а мы с Андреем сидели тесно рядом и держались за руки. Рыбаки кричали:

— Р-раз два, р-раз два!

С борта ледокола спустили какую-то клетку (люльку). В ней стоял матрос. И на веревочных лестницах тоже висели матросы. «Ангара» качалась, наша лодка то поднималась вверх, то опускалась вниз по борту ледокола. И матросы, и гребцы удерживали лодку, чтобы она не отошла от его борта. Маму и нас, детей, подхватили матросы и пересадили в люльку, которая вдруг пошла вверх. Другие матросы нас приняли на палубе, а люлька пошла вниз за папой и Гошей. Наконец мы все на палубе. Лодку с гребцами оттолкнули от борта, и она ушла на берег за другой семьей с какой-то другой заимки.

Стоять на палубе было невозможно, так она качалась. Было очень холодно, я замерзла. Открылась толстая железная дверь, и мы стали спускаться по крутой железной лестнице вниз. Вот наша каюта, наша комната. Она довольно узкая. По бокам висят койки в два этажа — двухъярусные. Андрей сказал, что будет спать наверху, как и папа, «а вы, женщины, внизу» — так он распорядился. В другой раз я бы рассмеялась, но не в этот. Меня мутило, хотелось на свежий воздух. Мне было очень плохо. Папа повел меня на палубу, но стоять там нам не разрешили, а сказали, чтобы мы открыли в каюте иллюминаторы. Когда мы спустились в нашу каюту, мама уже расстелила спальные мешки, и меня уложили на койку. Мне не нравилось слово «койка», но на судах не говорят «кровать». Ледокол качался, мы

все не могли стоять на ногах, чтобы за что-нибудь не держаться. Открыли иллюминаторы, в них сразу стали влетать брызги, такие большие, как будто кто-то плескал в них воду из ковша. Я легла и пыталась уснуть, но не могла.

Вдруг наш ледокол весь затрясся, раздался шум машин, на палубе кто-то что-то кричал приказным голосом. Мы тронулись в путь. Папа пошел поговорить с капитаном. Андрей тоже хотел пойти, но папа сказал, что в следующий раз возьмет его. Мне ничего не хотелось, мне было муторно. А мама и Маринка о чем-то спокойно разговаривали, они лежали вместе через проход от меня, и я незаметно уснула.

Проснулась, когда что-то упало. Наш ледокол так качало, что вещи с полок попадали. Меня тошнило, мама выводила меня в коридор, чтобы я там могла освободиться в бумажный кулек от того, что мне мешало. В каюте у нас было уютно. Папа лежал на верхней койке, на спине, а Маринка сидела верхом на его животе, они играли в какую-то игру, Маринка весело смеялась. Никого не тошнило, кроме меня. Андрей уже разузнал, что в соседней каюте едет семья с другой заимки. Пока мы разбирались с вещами, их так же, как нас, привезли на лодке. Андрей сказал, что им всем плохо, они все лежат, в каюте противный запах. А у нас не пахнет, «хоть Анку и тошнит».

Пришел матрос, пригласил нашу семью от имени капитана на обед в кают-компанию. Пошел папа с Андреем. Я вообще даже думать о еде не могла, мама смачивала тряпочку и клала мне на лоб, это как-то немного помогало. Папа вернулся один, принес еду, сказал, что Андрею разрешили пойти в машинное отделение. Мама стала волноваться, он же еще ребенок, не случилось бы чего плохого, но папа сказал: все будет хорошо, а главное — ребенок получит важные сведения, да он же всегда интересовался всякими механизмами. Разбирал их, хотел понять, как они работают.

— Вот, Аннушка, — обернулся ко мне, — станет тебе легче, я и тебя туда отведу, там тебе понравится.

Да никуда я не хочу, никуда я не пойду, думала я. Только бы волны уменьшились и ледокол не так раскачивало. Разговаривать мне не хотелось, а папа с Маринкой опять были на верхней койке, и опять им было весело. Вдруг я услышала Маринкин голос: «Папа, я плевать хочу». Но, как только ее вытошнило, она снова повеселела, и игра продолжалась. Мне же казалось, что эта мука никогда не кончится. Мама гладила меня по голове, по рукам, вспоминала, как мы ехали в санях, отвлекала меня, но это не помогало. Только к вечеру мне стало легче, хотя качка стала еще сильнее, как мне казалось.

Андрей был совершенно очарован машинным отделением, говорил, что познакомился со всеми машинистами и кочегарами. Ему все показывали. Кочегары были очень веселые, одеты только в брюки, голые по пояс, лица и руки черные, а зубы — белые. Ближе к топкам Андрея не подпустили, но издали он смотрел, как они лопатами черпают уголь из кучи и бросают его в топку. Еще его поразили огромные поршни, как они двигались и какие они были блестящие. Теперь уже и мне захотелось все это посмотреть, хотя мучения мои не прекращались.

Папа много времени проводил с капитаном Георгием Васильевичем Лазо в капитанской рубке. Лазо рассказал, что из-за того, что им пришлось ждать нас, они выбились из графика, потеряли много времени, да и уголь расходовали, чтобы ледокол не замерз. И в тот день, когда мы сели на ледокол, им пришлось задержаться почти до сумерек. Ведь была еще вторая лодка — с семьей с заимки. Прогноз по-

годы неутешителен, ветер усиливается, а значит, и качка будет еще сильнее. Папа сказал нам, что нужно снять все вещи с верхних полок, подготовиться к разным неожиданностям. Мне сразу опять стало нехорошо только от этих его слов.

И время страшной качки наступило. Что творилось! На ногах никто вообще стоять не мог, даже папа шатался и хватался за койки. Нам нужно было лежать и не вставать. Папа опять ушел, но вернулся очень быстро и сказал, чтобы мы не волновались, он будет помогать матросам — сбивать лед с лееров (поручней), с канатов, вообще со всех мест, где он появляется. Ведь мороз-то декабрьский, ветер огромной силы, брызги сразу замерзают, палуба покрывается льдом, матросам трудно выполнять команды. Теперь «Ангара» идет не в порт Байкал, а направляется в Чивыркуйский залив (восточный берег Байкала) для отстоя. Идти в такой шторм посредине Байкала ночью, при таком ветре опасно, а капитан очень опытный и знает свое дело великолепно. К тому же кончается запас угля, его не хватит, чтобы дойти до порта Байкал.

Папа вообще был очарован капитаном. Георгий Васильевич Лазо в 1941 году был помощником капитана на «Ангаре», а в 1942 стал капитаном. Ему было всего 28 лет. Вся команда очень любила его и беспрекословно слушалась. Помощник капитана рассказал папе, что в начале войны на ледоколе работали женщины наравне с мужчинами. Они выполняли тяжелую работу. Когда загружали уголь, Георгий Васильевич снимал китель, надевал робу и сам становился рабочим, а за ним и вся команда подключалась. В первый год войны на ледоколе разгружала уголь и родная сестра Георгия Васильевича, Зинаида Васильевна. Капитаном «Ангары» Лазо проработал до 1953 года. Он лично руководил подъемом ледокола на стапель, когда «Ангаре» потребовался капитальный ремонт. Всего в порту Байкал Георгий Васильевич проработал 68 лет. У него было восемь братьев и сестер. Мой брат Андрей впоследствии был дружен с младшим братом Георгия Васильевича, Виктором, и познакомил с ним меня, когда я приезжала из Москвы в Иркутск.

Нам было слышно, как по палубе бегают матросы, раздавался шум, боцман командовал. Мой брат рвался на палубу помогать сбивать лед, но папа не разрешил, поэтому он мучился в каюте от безделья. Я тоже мучилась, но от другого... Маринка спала, мама ее положила рядом со мной и сидела около нас на спальном мешке, держала меня за руку — это хоть немного успокаивало меня. Приходил на минутку папа — узнать, как мы себя чувствуем. Сказал, что мужчин, которых не мучает морская болезнь, мало, а работы на палубе полно. Скоро придем в Чивыркуй, там качать уже не будет. Скорее бы, думала я.

Уже ночью качка стала меньше, по палубе забегали сотни ног, что-то скрежело, стучало, слышались какие-то команды, потом непонятные для меня звуки — оказалось, «Ангара» встала на якорь, вернее, на два якоря. Немного покачивало, но стало сразу легче, и я наконец уснула. Наступило утро, меня разбудила мама, сказала, что день чудесный, нас приглашают завтракать. Было даже как-то удивительно, что ледокол не качало.

Мы вышли на палубу, и я просто остолбенела. Сияло солнце, но было очень холодно. Ледокол стоял как вкопанный. Вокруг был лед и больше ничего. Никакой воды. Мачты и тросы, которые тянулись от них, были во льду. С них свисали огромные сосульки. Хотелось все рассмотреть, но мама сказала, что нельзя задерживать кока (повара). Папа уже позавтракал и ушел сбивать сосульки, а в кают-компанию за столом сидел какой-то мужчина. Он едва с нами поздоровался. Это был отец мальчика из соседней каюты, он не помогал матросам, может быть,

ему тоже было плохо, как и мне. На завтрак была рисовая каша — вот хорошо, я люблю рис. Мы поели и пошли в свою каюту, но папа еще не пришел. Вернулся он только к вечеру, слишком много работы было на палубе.

Папа, как и обещал, повел меня в машинное отделение. Но там ничего не двигалось, все рычаги стояли на месте, кочегары были чистые. Мне объяснили, что ледокол стоит, не работает, он уже вмерз в лед и сам выбраться из льда не сможет. Капитан дал команду поддерживать тепло на «Ангаре», чтобы люди в каютах не мерзли и чтобы машины тоже были в тепле. Кочегары работают, но не в полную силу. Уголь для топок на исходе. Будем ждать ледокол «Комсомолец» из порта Байкал, он привезет уголь, тогда «Ангара» сможет пойти в порт. А пока мы будем загорать здесь, в Чивыркуйском заливе. Скоро разъяснится, марево уйдет, и мы увидим полуостров Святой Нос.

На следующий день мама и папа разрешили мне и Андрею походить по ледоколу одним, познакомиться со своим «домом» на несколько дней. Мы спускались и поднимались по трапам — железным лестницам, они немного звенели, когда мы бегом спускались вниз. Мы обошли и обежали весь ледокол, гонялись друг за другом — играли в «пятнашки». Было очень весело. Потом Андрюшка повел меня к титану. Оказывается, титан — это огромная бочка с питьевой водой. Рядом стояла кружка, из которой пил всякий, кому захочется. Кружка была намертво прикована к титану цепью. Мы вдоволь напились холодной воды и снова стали бегать по трапам, пока мама не позвала нас в каюту. Мама запретила нам пить воду из титана, вернее из кружки, которой пользуются все. Маринка опять сидела с папой на верхней койке. Мама была не очень довольна, что мы так разошлись.

— Твой голос, Анночка, слышно по всему ледоколу, девочки не должны так громко хохотать и кричать. Или вы будете сидеть в каюте, или бегать, но как-то потише.

Мы решили, что будем бегать потише, и снова понеслись по трапам.

Мы набегались и уже едва дышали, когда Андрей повел меня в соседнюю с нашей каюту — познакомиться с мальчиком примерно нашего возраста. Мальчик был один. Он сказал, что только что проснулся после того, как они сели на ледокол. Они долго ехали с заимки, и он очень устал. Сейчас в каюте темно, а куда мама положила свечи, он не знает. Я сказала, чтобы он зажег лампочку, он меня не понял. Зато мой умный братик все сообразил и сказал, что мы ему все покажем.

— Видишь, вон под плафоном лампочка? Вот Анка сейчас дунет, и она засветится.

Я, конечно, сильно дунула в сторону потолка, а Андрюша незаметно нажал на включение. Лампочка загорелась. Мальчишка был в восторге. Я снова дунула — и лампочка погасла. Этот трюк мы проделали несколько раз. Было очень весело. Бедный мальчик, он всю свою жизнь провел в тайге, он не знал, что такое лампочка и как она загорается. Мальчик (не помню его имя) просил нас прийти, когда вернутся его родители, чтобы я дунула и появился свет. Мы сказали, что придем обязательно.

Вернувшись в свою каюту, мы смеялись, просто умирали от смеха. Мама узнала, отчего мы так развеселились, и очень огорчилась.

— Не думала, что вы такие нехорошие дети, мне стыдно за вас. Он не знает, как работает электричество, зато он знает, как нужно жить в тайге. Наверняка он не боится, когда воют волки (камешек в мой огород), и он бы, наверное, не стал вас обманывать.

Мама взяла меня за руку и заставила нас пойти в соседнюю каюту. Сказала

мальчику, что Андрей и я хотим что-то сказать ему. Нам пришлось признаться, что мы его обманули и что нужно вот так включать, а вот так выключать свет. Было стыдно. А он сказал, что сам уже научился и хотел подшутить над своей мамой. Он рассказал, что будет жить в интернате и учиться в школе, на заимке школы нет, а ему уже девять лет. Мы удивились, потому что он был маленького роста, даже ниже меня. Мама пригласила его приходить в нашу каюту. А пока мы решили ему показать ледокол, потому что мы его уже хорошо узнали. Мальчик на нас не обиделся, а сказал, что он бы нашел чем обмануть нас, если бы мы приехали на его заимку. Мы носились по ледоколу уже вдвоем.

Наконец папа решил прекратить «это безобразие». Он сказал, чтобы Андрюша взял шахматы и поиграл с мальчиком, а если тот не умеет — научил бы его. Это были замечательные шахматы — маленькая деревянная коробочка, чуть больше портсигара, в каждой клеточке — дырочка, куда вставлялись крохотные фигурки. Папа учил нас играть, у Андрея получалось лучше, чем у меня. Папа говорил мне, что нужно тренироваться, на латыни «*repetitio est mater studiorum*»: повторение — мать учения. Попутно папа учил нас поговоркам на латинском языке. Оказывается, все латинские поговорки повторяют русские, говорила я папе, а папа говорил, что, наоборот, русские поговорки повторяют древнегреческие. Как бы то ни было, мы понемногу запоминали и выучили достаточно много поговорок. Мальчики нехотя сели за шахматы, а папа повел меня знакомить с кочегарами.

Мы вошли в машинный зал и спустились в самый низ по трапу. Там я и увидела «черных» кочегаров, они смеялись, протягивая мне черные руки. Я их пожимала, но почему-то не запачкалась. А в это время из огромного бака, высотой, наверное, выше папы в два-три раза, вышел еще один кочегар, который поздоровался с папой. Он был чистый, румяный, с мокрыми волосами. А мне объяснил, что это баня, где они моются каждый раз после смены. Баки были красивого темно-зеленого цвета. Я потрогала бак рукой — он был просто горячий. Потом папа познакомил меня с главным машинистом, который рассказал, как работает машина, отчего ледокол не просто идет по воде, но и режет лед. Все машины были такие огромные — не хотелось бы мне здесь остаться одной! Когда мы пошли в нашу каюту, папа спросил, успокоилась ли я наконец.

— Но ведь мы же просто играли!

— Вы не просто играли, а просто бесились, — сказал папа.

Да, я успокоилась и хотела спать. Мальчик уже ушел, сказал, что не хочет играть в такую игру. Маринка стала кукситься, она тоже хотела на палубу. Мы говорили, что она еще маленькая, но она отвечала, что уже большая. Думаю, в этот день мы просто допекли своих дорогих и любимых родителей. Наверное, они легко вздохнули, когда мы уснули.

На следующий день я решила взять Маринку на палубу, чтобы погулять с ней чинно и медленно, как взрослые, без родителей. Мама не хотела отпускать нас одних, но я настаивала, уговаривала, упрашивала, ведь качки нет.

Мама волновалась и просила меня не отпускать из своей руки ручку Маринки. Мы медленно шли по ледоколу от кормы до носовой части. Наступил самый интересный участок — две огромные дыры, в которых были толстые цепи, и каждая удерживала по якорю. Нам непременно хотелось посмотреть, видно ли якорь. Мы подошли очень близко к этим дырам, стали заглядывать в них, как вдруг Маринка вырвала свою ручку из моей руки, подбежала к самой дыре, не удержалась и полетела — как будто прыгнула в нее. Ее тут же схватил за воротник пальтишка

матрос, который шел за нами. Он словно предвидел: что-то произойдет! Маринка закашлялась, но быстро пришла в себя, а матрос повел нас в каюту. Перед дверью отчитал нас с Андреем, не разрешил одним гулять с такой маленькой девочкой, да еще непослушной. Я только хотела сказать, что вообще-то она послушная, но просто нам хотелось посмотреть на якорь, как дверь открылась и вышла мама. Она благодарила матроса, говорила ему какие-то приятные слова, он улыбался: «Да не за что...», и скоро ушел. Пока мы рассказывали маме, как было дело, прибежал обеспокоенный папа. Он услышал разговоры среди матросов о том, что маленькая девочка чуть не застряла в цепи от якоря. Папа же знал, что, кроме нас да мальчика с заимки, детей на ледоколе не было. Он внимательно осмотрел Маринку, не случилось ли чего с ней, а она улыбалась, звала папу играть на верхней койке.

Родители наши дорогие были очень огорчены, особенно мама. Маринка, папина любимица, все время обнимала его, целовала, так что папа не отчитывал нас, а ограничился заверением, что «мы так больше не будем».

Мы только сняли с себя теплую одежду, как мама начала одеваться. Я встревожилась и тоже схватила свое пальто, но мама сказала, что мы должны остаться в каюте с папой, а она пойдет прогуляться, так как не может прийти в себя, видя, какие мы непослушные. Как только она вышла, я накинула пальто и побежала за ней. И я увидела, что мама уже спустилась по трапу на лед и уходит от ледокола в сторону Святого Носа. Я закричала, заплакала, какой-то матрос отвел меня в каюту. Я плакала: как вернуть маму?! Куда она пошла? Почему без нас? Папа сказал, что мама очень огорчена нашим поведением, особенно моим.

— Что с тобой случилось, Аннушка, может, качка на тебя так подействовала, что ты стала непослушной? — говорил папа. Я даже не поняла, что он шутит, я была в горе. Легла на свою постель, плакала в подушку и незаметно уснула.

Проснулась и увидела, что ни папы, ни мамы в каюте нет. Андрей сказал, что мы должны сидеть здесь и никуда не уходить. Папа пошел искать маму. Уже было темно, наступил вечер. Боже мой, мамочка наша потерялась, а если там, на льду, дикие звери?.. Мне так было страшно, что я опять заплакала. Андрей меня успокаивал: папа обязательно скоро приведет маму! Наш папа все знает и все может. Опять у меня колотилось сердце, я дала себе слово, что буду себя вести хорошо, не буду бегать по трапам, буду слушаться, только бы мамочка вернулась скорее. Я смотрела в иллюминатор, но было темно и ничего, кроме льда, не было видно. Что делать? Что делать?..

Наконец они пришли! Я бросилась к маме, просила у нее прощения. Но мама уже не сердилась. Обняла меня, поцеловала, она всегда знала, что мы хорошие дети, хотя и немного расшалились. Мама сказала, что очень холодно и ветрено на льду, она замерзла и устала — по льду идти очень трудно, много торосов. Папа заставил маму лечь. Маринка сразу пристроилась к ней под бок, а мне папа сказал, чтобы я потеплее оделась, — он хочет прогуляться со мной по ледоколу. Андрюша остается в каюте с мамой и Маринкой. Впервые мне не хотелось уходить от мамы, и никакая прогулка мне не была нужна.

Но папа все-таки помог мне одеться, хоть я и сопротивлялась, и мы пошли на палубу. Это потом, когда я выросла, я поняла, что он помог мне снять стресс, который я получила, когда ушла мама. А тогда я никуда не хотела идти. Но папа настоял. Сначала провел меня по всему ледоколу, рассказал, когда и как появилась «Ангара» на Байкале.

Оказывается, этот ледокол прибыл из Англии, из Ньюкасла. Его везли частями —

сначала водным путем до Енисея, иногда по льду, потом по железной дороге. А собирали его в поселке Листвянка на берегу Байкала в 1898 году на специально построенном для него стапеле. Спустили на воду летом 1900 года. Папа рассказал, что эти две огромные трубы называются дымовыми — из них выходит дым от сгоревшего угля. Кроме пассажиров, которые ехали в каютах, было еще огромное помещение — трюм.

— Вот мы как раз стоим над трюмом. Он без иллюминаторов. «Ангара» возила разные грузы на север Байкала, а из Нижнеангарска — рыбу, — рассказывал папа. — В Нижнеангарске много рыболовных бригад, поэтому трюм всегда полон рыбы. И сейчас наш ледокол везет рыбу, потом ее будут разгружать уже в порту Байкал.

Мне понравился зеленый свет от фонаря, который стоял, вернее висел, на борту ледокола. Такой же фонарь был и на другом борту. Они назывались бортовыми отличительными огнями, посылали очень длинные лучи в темноту ночи, окрашивали лед в красивый зеленый цвет. Папа сказал, что мама ориентировалась на этот луч и по нему пришла на ледокол. Фонари эти были спрятаны в железные бочонки. Стекла были очень толстые и ребристые. Папа крепко держал меня за руку, и мне было спокойно, я знала, что мама отдыхает в нашей каюте, она — дома.

Потом он повел меня на верхнюю палубу. Мы зашли в рубку, там сидел помощник капитана, писал что-то в толстой тетради. Он показал мне огромное колесо, на котором по всему диаметру торчали небольшие ручки, сказал, что это штурвал, то же самое, что руль в машине. Штурвал был выкрашен ярко-желтой краской, ручки были резные, но гладкие, и за них было приятно держаться. Потом он показал мне какую-то медную, блестящую трубку с отверстием: в нее капитан дает приказания машинисту в машинное отделение. Компас был большой и как бы плавал в большом деревянном ящике, то есть не приделан намертво. Все мне было интересно.

— А вот это рында, — сказал папа, когда мы вышли из рубки, — колокол, в который звонят, если что-нибудь важное происходит, и нужно, чтобы все матросы собрались на палубе. А вот за эту веревку — она привязана к «языку» рынды — дергают, и тогда раздается сильный звон.

Рында была медная и блестела в свете огней ледокола. Оказывается, ее чистят (драят) каждый день, чтобы она всегда блестела и ее можно было отыскать, если нужно, в одну минуту даже в темноте. Мне хотелось позвонить в этот колокол, но нельзя — все матросы сбегутся, подумают, что-то случилось, а они сейчас отдыхают.

— Ты, Аннушка, все запоминай, потом будешь рассказывать своим подружкам, как была на «Ангаре», — сказал папа. Конечно, я буду рассказывать, ведь редко кто плавал (ходил) на ледоколе.

Потом мы пошли смотреть спасательные шлюпки, их было четыре, они были очень большие. Там же, на верхней палубе, находилась еще одна лодочка, поменьше — для разных работ. Например, если нужно подкрасить борт или починить какую-нибудь небольшую поломку.

В конце прогулки мы пошли в кают-компанию, нас там радушно приняли, спрашивали меня, нравится ли мне на ледоколе. Говорили, что меня можно взять в матросы, так ловко я бегаю по трапам. А вот смогу ли я забраться на мачту по веревочной лестнице? Я сказала, что, конечно, смогу, но летом, когда не будет сосулек. Все смеялись, все были такие добрые. Только я удивлялась, что нет ни одной женщины в кают-компании, кроме меня. Все опять смеялись, и я вместе с ними.

Наконец папа сказал, что уже пора спать, и мы пошли в свою каюту. Я пожелала нашему ледоколу спокойной ночи. В каюте было тихо, мама с Маринкой спали, Андрюшка ждал нас. Но я так устала, что мне не хотелось ему ничего рассказывать. Я легла и стала думать о красивом зеленом боковом огне, а папа и братик еще о чем-то говорили. Мне было спокойно, и я быстро уснула.

Настало утро, прекрасное утро, солнце слепило глаза, но опять было очень холодно. Андрюша пошел в машинное отделение, а я боялась куда-нибудь уйти от мамы. Мама была веселая, сказала, что нужно одеваться и идти на лед, он такой красивый. Спустились по трапу, с Маринкой бегали по таким местам, где был снег, на гладком льду мы падали. В наших ботинках с мятой соломой нам было тепло.

Надо сказать, папа был запасливый. Он знал, что нам ехать далеко, поэтому припас мятой соломой еще в зимовье, и теперь менял ее в наших ботинках чуть ли не каждый день. Еще у него была маленькая бутылочка (ее я сохранила до сих пор) с порошком стрептоцида, которым он посыпал наши царапины и занозы. На веревочке, привязанной к брюкам, в кармане носил швейцарский ножичек (тоже из Дании) с маленькими ножницами, пинцетом, шилом. В другой бутылочке, из-под пенициллина, был тальк, им присыпали наши мозоли, которые мы натирали в больших ботинках. У мамы была красивая коробочка с иголками, булавками, нитками (тоже датская). Ей бесконечно приходилось штопать нам чулки, рукавички, что-то зашивать и подшивать. Андрюша сделал из бамбука вязальные спицы с шишечками на концах, сделал чудесно, вся семья у нас вязала спицами, сделанными им. И мама обвязывала нас, все кофточки были красивые, с рисунками: у Андрея — с оленями, у нас с Маринкой — с цветами и узорами. Я любила смотреть, когда мама открывала свою красивую коробочку, много там было интересного: разные пуговицы, большие и маленькие булавочки, маленькие ножницы в виде журавля. Кое-что сохранилось у меня.

Этот день был ясный, и хорошо был виден полуостров Святой Нос. Мама сказала, что она дошла вчера до поселка. Это даже не поселок, а несколько бурятских семей, которые бывают здесь только зимой, ловят рыбу и промышляют нерпу. В их чумах тепло, даже жарко — посредине чума костер. В одном было несколько женщин — бабушки, жены, сестры, все там помогают мужчинам. Видно, что мама была довольна своей вчерашней прогулкой. Мы же с Маринкой набегались, навалялись на льду, отыскивая самые красивые трещинки. Пришел папа и позвал нас обедать. Он тоже побегал с нами немного, и мы смеялись над тем, как он удерживал равновесие.

После обеда папа сказал, что они с мамой пойдут погулять по льду, а мы побудем с Андрюшей. Мне было тревожно, ничего не хотелось, ни в машинное отделение, ни на лед, ни бегать по трапам. Я сидела в каюте и играла с Маринкой в куклы, Андрей что-то читал. Пришли наши родители очень поздно. Но в этот раз я не так волновалась, потому что мама была с папой, и еще был зеленый боковой луч от фонаря. Он показывал, где стоит ледокол, заблудиться было невозможно.

Утром папа сказал, что скоро придет ледокол «Комсомолец», привезет уголь, и мы пойдем в порт Байкал, а оттуда уже на поезде поедem домой в Иркутск. А мама развязала какой-то сверток и достала маленькие беленькие унты из нерпы. Такие красивые! Маринка сразу нарядилась — в них было мягко и тепло. Теперь ей не страшен мороз. Когда мама пошла первый раз погулять по льду, она не знала, что около Святого Носа живут буряты. Она случайно набрела на них. Они ее очень хорошо приняли, отогрели и предложили сшить унты для ребенка. Мама

хотела заказать еще три пары (для меня, Андрея и нашего двоюродного брата Лолы, который оставался в Иркутске), но буряты сказали, что у них нет шкурок, сезон ловли нерпа только начинается. Но из прошлогодних запасов получились унты для Маринки. Папа заплатил им, они так радовались, это впервые, когда они получили «однако прямо такие хорошие деньги» зимой, да еще за детские унты, которые им никогда не заказывали раньше. Ведь каждая семья шьет себе, а продавать некому. Маринка очень хотела пойти на палубу, чтобы все матросы видели, какие у нее красивые унты. Папа повел ее в машинное отделение, и там все восхищались, и наша сестренка была страшно довольна. Мы тоже радовались.

Папа сказал, что «Комсомолец» уже на подходе, скоро будут грузить уголь на наш ледокол. Мы решили подождать с прогулками, будем смотреть, как идет загрузка угля. Если «Ангара» завтра утром сможет пойти, то мы уже завтра к вечеру будем в порту Байкал. Мы стали собирать свои вещи, чтобы завтра не торопиться, а быть готовыми.

«Комсомолец» наконец появился. Он был меньше «Ангары», мы радовались, что наш ледокол больше и красивее. «Комсомолец» разбил лед вокруг «Ангары». Огромные краны-ковши поднимали каменный уголь и перегружали его в наш ледокол. Это была тяжелая работа, матросы кричали то «вира», то «майна». Мы с мамой смотрели на погрузку из рубки. На палубе кроме матросов никого не было. Мы радовались, что скоро пойдем в порт, и в то же время было жаль расставаться с ледоколом.

После погрузки «Комсомолец» ушел. Весь персонал ледокола работал в полную силу. Все части ледокола были очищены ото льда. Кочегары на «Ангаре» стали разогревать топки, чтобы «Ангара» смогла выбраться из ледяного плена и тоже идти в порт Байкал. «Комсомолец» частично уже проложил дорогу нашему ледоколу. Было очень холодно. Папа говорил, что за время стоянки ледокола в Чивыркуйском заливе градусник показывал температуру до 42 градусов мороза по Цельсию. И в такой мороз мама ходила в бурятское поселение!

Очень скоро машины пришли в полную готовность для дальнейшего пути к порту. Ледокол начал медленно выходить из невольного плена. Нам пришлось спуститься в каюту. Из иллюминатора было видно, как огромные льдины ломались, поднимались, вставали торчком, падали в воду. Иногда куски льда попадали в иллюминатор (конечно, закрытый). Кроме льда, ничего не было видно.

Мы еще раз просмотрели все свои вещи, одежду, которую нужно надеть при подходе к порту. Папа пошел попрощаться с капитаном Георгием Васильевичем Лазо, передать приветы от нас и поблагодарить за чудесное плавание. Папа и капитан заверили друг друга, что обязательно встретятся в Листвянке. И это случилось несколько лет спустя. Мамина младшая сестра Ирина Константиновна Вилисова после окончания университета стала работать на Лимнологической станции АН СССР, усадьба которой располагалась в поселке Листвянка (Лиственичное). В этом поселке и жил капитан «Ангары» со своей большой семьей, а также с братьями и сестрами, которых было восемь. Наша же семья летом всегда гостила у тети Ирочки в Листвянке. Здесь и встречались мой папа и Георгий Васильевич.

Вечером мы прибыли в порт Байкал. Андрей зашел в машинное отделение сказать спасибо помощнику капитана за интересные сведения, полученные во время нашего путешествия. Матросы желали нам всего хорошего, приглашали еще раз походить на ледоколе, а мы им желали здоровья и удачного плавания. Нам пришла пора спешить на железнодорожную станцию, на поезд, идущий в Иркутск.

Точно не помню, но, кажется, удалось купить билеты на поезд, шедший из Удан-Удэ. Было уже совсем темно, когда поезд появился. Наше купе — в общем вагоне, с деревянными полками, без матрасов, без подушек, без всего, что есть сейчас. Опять разложили спальные мешки, и нас уложили. Не знаю, спали ли мама и папа. Я уснула сразу и проснулась, когда мама сказала, что нужно одеваться, потому что мы подъезжаем к Иркутску. В темноте мы вышли из вокзала. Чтобы попасть домой, на улицу Марата в центре города, нам нужно было перейти через мост над Ангарой. Папа пошел искать какой-нибудь транспорт. Опять мы сели на телегу. Было очень холодно. Возница сказал, что он сделал новые колеса, на резиновом ходу, — и ехать мягко, и грохота нет.

Около восьми часов утра добрались мы до нашей квартиры. Нас встретили мамини сестры. Ирочка сразу поставила чайник на керосинку. Тут я увидела своего двоюродного брата Лолия, который стоял на кровати с закрытыми глазами, а его мама, моя тетя Ляля (Ольга Константиновна), одевала его. Ему нужно было идти в школу, тоже в первый класс (разница у нас с ним полгода). Он никак не мог проснуться. Я тоже хотела спать, даже не хотела ни есть, ни пить, только спать. Легла в свою кровать, и это было очень приятно. Завтра будет новый день, я буду ходить в школу и продолжать учить Маринку азбуке. Она знала уже много букв. Как быстро прошло восемь месяцев, и вот мы опять все вместе! Теперь буду рассказывать друзьям о нашем путешествии.

Мы с братом часто вспоминали о Куморе, особенно в последние годы. Я обещала ему, что напишу об этой нашей экспедиции, вот и написала. В 1947 году мы опять ездили с папой в экспедицию на реку Алдан, в Якутию. Это тоже была замечательная поездка. Хочется написать и о ней. Получится ли?

Я бесконечно благодарна своим дорогим родителям за всю их доброту, за их отношение к нам, в трудные минуты особенно, за то, чему они научили нас, — за все, за все.

Судьба ледокола «Ангара»

Ледокол «Ангара» — старейший из сохранившихся в мире ледоколов. В конце 1898 года Российское правительство заказало в Англии на фирме «Sir W.G. ARMSTRONG, WHITWORTH» постройку ледокола для работы на озере Байкал. Ледокол везли до Байкала в разобранном виде — по железной дороге, по Енисею, по Ангаре. Собирали его на специально построенном стапеле в поселке Лиственничное на берегу Байкала. Спущен на воду ледокол был в 1900 году и работал до 1906 года, потом простоял в бездействии 10 лет. В 1916 году «Ангара» вышла в рейс до Нижнеангарска. Капитаном был Вячеслав Григорьевич Базилевский, который прослужил на ледоколе до 1923 года. В 1918 году был подписан декрет «О национализации торгового флота». Началась гражданская война, и все байкальские суда — ледоколы «Байкал» и «Ангара», «Кругобайкалец», «Граф Муравьев-Амурский» (судно названо в честь Николая Николаевича Муравьева-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири) и другие суда — готовили к военным действиям. Ледокол «Ангара» был оснащен пушками, участвовал в боях во время гражданской войны.

В конце 20-х годов прошлого века «Ангара» потерпела страшную аварию около полуострова Святой Нос, получив шестиметровую пробоину. Пришлось под-

нимать ледокол на старый стапель в поселке Лиственничное. Только в 1932 году «Ангара» вышла в рейс. Капитаном ледокола был Михаил Петрович Русанов. С ним мой папа, Михаил Михайлович Лавров, совершил путешествие из порта Байкал в Нижнеангарск. Он очень уважительно отзывался о капитане Русанове, говорил, что это был замечательный человек, превосходный мастер своего дела. Был репрессирован, но, к счастью, не расстрелян. После реабилитации снова работал на судах Байкала.

В 1944 году наша семья совершила два рейса на ледоколе «Ангара»: в мае из порта Байкал в Нижнеангарск, в декабре — обратно. Капитаном был Георгий Васильевич Лазо. В 1949 году ледокол «Ангара» был поставлен на капитальный ремонт, но только в 1959 ремонт судна закончили. «Ангара» возила грузы на север Байкала, а из Нижнеангарска — полные трюмы омуля. В навигацию 1963 года ледокол в рейс не вышел. Несколько лет он простоял, ржавея и обрастая водорослями, в порту Байкал. В 1967 году ледокол перевели через пережат Исток в Иркутское водохранилище. Эта труднейшая, не имеющая себе равных операция была проведена Казимиром Александровичем Андрулайтисом, профессионалом высочайшего класса. К. Андрулайтис проработал в пароходстве всю свою жизнь. Его именем названо судно на Байкале — «Капитан Андрулайтис». Мой брат Андрей был в очень хороших отношениях с капитаном. Это образованнейший человек, разговаривать с которым было интересно и поучительно. Мой брат познакомил меня с Казимиром Александровичем, за что я ему благодарна.

После того как «Ангара» оказалась в Иркутском водохранилище, ее переправляли из одного залива в другой. Я видела, как наш замечательный ледокол погибал — он лежал в заливе на боку, засыпан грязью, илом, никому не нужный, весь разрушенный. Лимнологический институт АН СССР предлагал устроить на ледоколе гостиницу, но власти города не разрешили. И только в 1988 году ледокол подняли с помощью плавучего дока и отбуксировали в микрорайон Солнечный города Иркутска. Потребовалось несколько лет, чтобы очистить, отремонтировать, покрасить ледокол и поставить его на вечную стоянку. Сейчас там располагается музей. Легендарная «Ангара» принимает экскурсии школьников, студентов и всех, кому интересна его история.